

Обязательно читать всем, кто интересуется историей человечества.

Юваль Ной Харари

РОДНЯ

ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ,
ИСКУССТВО
И СМЕРТЬ
НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ

РЕБЕККА РЭГГ САЙКС

Ребекка Рэгг Сайкс

**Родня: Жизнь, любовь, искусство
и смерть неандертальцев**

2020

Рэгг Сайкс Р.

Родня: Жизнь, любовь, искусство и смерть неандертальцев /
Р. Рэгг Сайкс — 2020

ISBN 978-5-00-139911-7

Ребекка Рэгг Сайкс, британский ученый с огромным опытом в области археологии палеолита, показывает неандертальцев в новом свете, отбросив стереотипные представления об одетых в лохмотья дикарях, шагающих по ледяной пустыне. Они предстают перед нами любознательными знатоками своего мира, изобретательными и легко приспосабливающимися к окружающим условиям. «Пять проворных пальцев, листающих эти страницы, сжимали, хватали и скребли на протяжении 300 млн лет. Возможно, сейчас вы слушаете музыку или аудиозапись этой книги; гениальная трехкостная структура уха позволяла улавливать любовные вздохи и крики ужаса во времена, когда мы удирали от ископаемых ящеров. Мозг, обрабатывающий это предложение, вырос до своего нынешнего размера почти 500 000 лет назад – и им успели воспользоваться неандертальцы». Неандертальцы обитали не только в тундрах и степях, но и в дремучих лесах, и у Средиземного моря. Они успешно выживали во времена масштабных климатических потрясений на протяжении более 300 000 лет. Хотя наш вид никогда не сталкивался с такими серьезными угрозами, мы убеждены в своей исключительности. Между тем в нас присутствует немало ДНК неандертальцев, и многое из того, что нас определяет, было присуще и им: планирование, сотрудничество, альтруизм, мастерство, чувство прекрасного, воображение, а возможно, даже и желание победить смерть. Только поняв неандертальцев, мы можем по-настоящему понять самих себя. «В 2015 г. был выпущен парфюм под названием Neandertal. Создатель утверждал, что в нем присутствует «аромат удара кремня» – запах, появляющийся при изготовлении каменных орудий. Стоит отметить, что это не просто рекламный ход: при раскалывании кремня действительно возникает особый запах. Его часто сравнивают с запахом дыма после выстрела из ружья, и именно так астронавты описывали запах лунной пыли». «Самый

радикальный вывод был сделан после осознания того, что их естество сохранилось на клеточном уровне, течет по нашим венам, колыхается на ветру в наших волосах. Их гены влияют на то, какими мы стали. И все же пока мы отобрали генетический материал всего 40 неандертальцев, в котором лишь три генома прочитаны с высоким покрытием, – из тысяч имеющихся в музеях фрагментов скелетов от сотен индивидов. Следующее десятилетие распахнет пока едва приоткрытую дверь в их сложную историю и биологию». Для кого? Для специалистов (есть информация, основанная на анализе данных, которые получены с помощью новейших методов исследования), а также для всех интересующихся биологией, археологией, антропологией (энциклопедическое описание неандертальцев и их мира помогает понять историю человечества в целом).

ISBN 978-5-00-139911-7

© Рэгг Сайкс Р., 2020

Содержание

Об именах	8
Введение	9
Глава 1	14
Глава 2	25
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ребекка Рэгг Сайкс

Родня: Жизнь, любовь, искусство и смерть неандертальцев

Переводчик *Ольга Корчевская*

Научный редактор *Мария Медникова*, канд. биол. наук, д-р ист. наук

Редактор *Артемиий Дановский*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Шувалова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Н. Витько, Т. Подгорная*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Иллюстрация на обложке *Р. Евсеев*

В книге использованы иллюстрации *Элисон Аткин*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Rebecca Wragg Sykes, 2020

This translation is published by arrangement with Bloomsbury Publishing Plc

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

РЕБЕККА РЭГГ САЙКС

РОДНЯ

ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ,
ИСКУССТВО И СМЕРТЬ
НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА ПОН-ФИШИН

Москва, 2023

Об именах

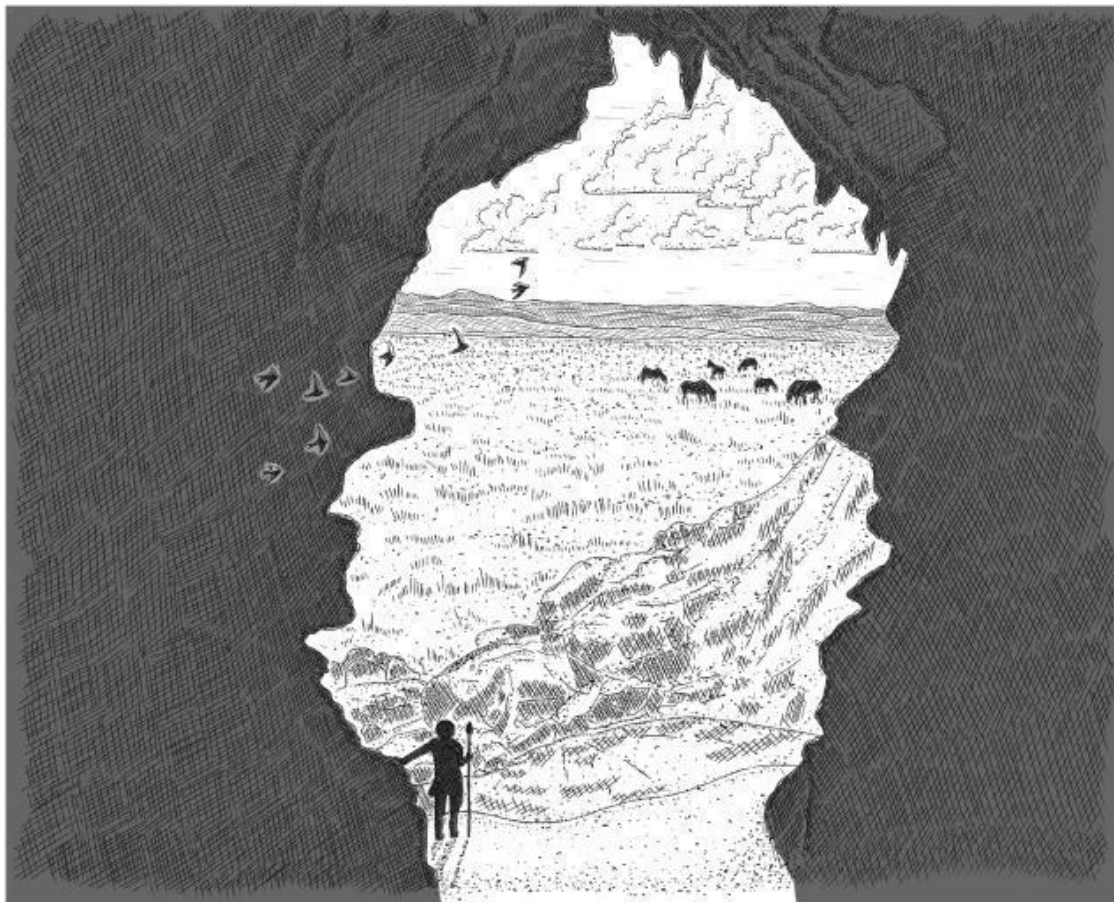
Научный мир XIX столетия во многом отличается от научного мира века двадцать первого. Дело не только в кардинальных изменениях аналитических методов, но и в количестве исследований: с 1800 по 1900 г. вышло во много раз меньше научных статей, чем за одно лишь последнее десятилетие. В исчерпывающем повествовании о неандертальцах можно достаточно подробно остановиться на первых археологах, изучавших доисторическую эпоху, – главным образом потому, что их было мало. Кроме того, оценивая личные качества ученых XIX – начала XX в., мы лучше понимаем, какое влияние на науку и общество в целом оказали первые открытия, связанные с неандертальцами.

Однако примерно с 1930 г. количество специалистов по этой теме очень быстро росло, поэтому я приняла решение не указывать конкретных имен, а говорить обобщенно – «археологи» или «исследователи». Меня волновало удобство чтения – по-моему, перечни фамилий и лабораторий читатель обычно игнорирует, – а также краткость изложения. Мне как ученому этот выбор дался непросто, ведь в научных кругах каждое слово принято подкреплять ссылками на источники. Но «Родня» требовала другого стиля, и я стремилась к тому, чтобы в книге о неандертальцах каждое слово что-то значило. В ней просто не хватит места, чтобы перечислить имена всех исследователей с указанием их организаций для каждого археологического памятника или находки.

Вместе с тем я никоим образом не хочу преуменьшить значимость вклада тех людей, чьих имен я не указала, в наши знания о неандертальцах, полученные за последние 80–90 лет. Многие из ученых, не упомянутых в тексте отдельно, были и остаются моими коллегами, а некоторые – и добрыми друзьями. Их имена и публикации приведены в онлайн-библиографии к книге (rebeccawraggsykes.com/biblio), однако я хочу именно здесь отметить то, что без их преданности делу, упорства, вдохновения и работы в буквальном смысле до седьмого пота эта книга не появилась бы на свет.

Введение

Звук из глубины времен наполняет пещеру. Это не рокот прибоя и не шелест волн – море ушло, когда ударил мороз и горы сморщились под ледяной броней. Среди шероховатых стен едва уловимо дыхание, разгоняющее слабый пульс. Это конец мира неандертальцев – и в географическом, и в хронологическом смысле, – и последний из них наблюдает за тем, как над столь далеким теперь Средиземным морем мерцают первые лучи солнца. Пока небо цвета темного кремня светлеет с восходом, мягкое воркование голубей смешивается с причитаниями растерянных чаек, плачущих, словно голодные дети. Только ни младенцев, ни взрослых больше нет. Не осталось никого, кто сел бы рядом и смотрел, как исчезают звезды; никого, кто дождался бы, как последний вздох растает в холодном воздухе.

Спустя 40 000 лет, когда вновь поднялись океаны, а воздух стал солоноватым, в той же самой пещере звучат голоса и льется музыка – реквием по мечте предков.

Пещера Горамы, Гибралтар, 2012 год. Археологи и антропологи каждый год собираются в этом напитанном пьянящими ароматами месте на южной оконечности Европы на одной из многочисленных конференций, посвященных неандертальцам. Но в этот раз произошло кое-что особенное. Среди гостей, посетивших огромные пещеры, похожие на кафедральные соборы, был музыкант Кид Кома, он же профессор биологии Дуг Ларсон. Перебирая струны гитары, он пел песню «Последний выживший»: самые поздние следы неандертальцев были найдены на Пиренейском полуострове, в этих самых пещерах. На несколько минут, пока его

голос звучал в огромном каменном зале, отступило на задний план волнение в связи с предстоящими докладами, умолкли горячие споры о теориях и нюансах классификации каменных орудий. Коллеги, внезапно охваченные присущим человеку желанием соединиться с далеким прошлым, просто слушали. Вы тоже можете испытать это странное, волнующее чувство – кто-то снял выступление, и теперь оно есть на YouTube.

Та серенада погребенным в земле тысячелетиям ярким лучом высвечивает людей, на которых держится наука. Прослушав серьезные и беспристрастные доклады, коллеги (а они одновременно и друзья) перемещаются в кафе и бары, где ведут более свободные – даже пылкие – обсуждения, строят предположения и догадки. Беседуют об «археологических памятниках мечты», давно известных или еще не открытых; но все так или иначе возвращаются к вопросу о том, сможем ли мы когда-нибудь разглядеть еле уловимые очертания повседневной жизни неандертальцев.

Эта книга дает представление о тех дискуссиях. Она написана для тех, кто слышал о неандертальцах, и для тех, кто о них не слышал; для терзаемых смутным любопытством и для искушенных любителей; даже для ученых, которым посчастливилось заниматься исследованиями тех самых времен. Потому что задача становится все грандиознее: на извилистых путях, проложенных сквозь данные и теории, то и дело возникают новые факты, заставляя уходить в сторону или даже разворачиваться в обратном направлении. Огромный объем информации с трудом поддается обработке: мало кто из специалистов успевает прочитать каждую вновь вышедшую статью по своей теме, не говоря уже обо всех научных публикациях о неандертальцах. Новые открытия могут произвести неизгладимое впечатление даже на самых опытных исследователей.

Повышенное внимание и изобилие материалов объясняются тем, что проблема неандертальцев важна – и всегда была важна. Ни один другой вымерший человеческий вид не сравнится с ними в известности. Это настоящие звезды среди наших древних родственников (гоминин): о важных находках кричат обложки главных научных журналов и заголовки ведущих СМИ. Наш к ним интерес не демонстрирует признаков ослабления: по данным Google Trends, запрос «неандертальцы» в поисковиках обогнал по популярности «эволюцию человека». Впрочем, эта слава – палка о двух концах. Редакторы знают, что неандертальцы – хорошая приманка, и привлекают читателей пикантными материалами, поданными под соусами вроде «Неандертальцы вымерли из-за [вставьте что угодно]!» или «Неандертальцы не так глупы, как мы думали!».

Ученые, готовые рассказывать о результатах своей работы, испытывают разочарование от постоянных и противоречивых спекуляций на теме антропогенеза, из-за чего кажется, что специалисты запутались в собственных идеях. Наука заведомо идет путем соперничества; при этом новые данные и теории свидетельствуют не о неуверенности исследователей, а об их невероятно активной деятельности. Более того, само сочетание «новости о неандертальцах» становится клише, а это значит, что среднестатистический человек так никогда и не услышит о самых интересных открытиях современности.

Всю картину целиком охватить тоже непросто, поскольку с 1856 г., когда найденные в Германии необычные ископаемые останки предварительно отнесли к ископаемому предку человека, она кардинально изменилась. Ученые находили все больше следов подобных существ, и к Первой мировой войне растущее число костей неандертальцев со всей очевидностью показало, что, помимо нас, Земля дала жизнь многим нашим братьям и сестрам. Внимание привлекли и массовые находки разнообразных каменных орудий, после чего началось серьезное исследование неандертальской культуры. Ключевым фактором стала сама эпоха: к середине XX в., благодаря развитию методов датирования и геологической хронологии, археологические памятники, ранее «плавающие» во времени и широко разнесенные в пространстве, оказались связаны между собой. Семь десятилетий спустя мы на заложенном в те

годы фундаменте знаний исследуем грандиозную панораму неандертальского мира, протянувшегося на тысячи километров и просуществовавшего более чем 350 000 лет.

И все же археология XXI в. бесконечно далека от своих истоков и, пожалуй, больше напоминает фантазии футуролога Викторианской эпохи. Для реконструкции древнего прошлого в распоряжении первых исследователей доисторического периода были в основном камни и кости. Современные же исследователи в своей работе используют методы, о существовании которых их предшественники еще не знали. Лазерное сканирование, фиксирующее облик всего памятника целиком, пришло на смену выполненным тушью чертежам, а специалисты теперь изучают предметы, которые сто лет назад никто даже и не мечтал обнаружить. От рыбьих чешуек и бородок птичьих перьев до собственной истории отдельно взятого кострища – получить ценные сведения можно с помощью как микроскопа, так и мастера.

Мы можем словно заглянуть через плечо неандертальца и увидеть, как 45 000 лет назад булыжник за несколько минут превращался в острый отщеп. Некогда статичные, археологические данные приобретают динамику: мы видим, как орудия перемещаются по стоянкам и поглощаются ландшафтом. Нам по силам даже выяснить их происхождение вплоть до конкретного месторождения. Также теперь стало возможным получить весьма подробные данные об организмах неандертальцев. Взять хотя бы зубы: мы можем изучить линии ежедневного прироста, по мельчайшим потертостям эмали оценить диету и даже восстановить химический состав проникшего в зубные отложения дыма от костров.

Этим обилием информации и обусловлено возрождение интереса исследователей к неандертальцам в последние три десятилетия. Поразительные находки парадом прошли по заголовкам журналов, в корне изменив основы нашего понимания того, где и когда жили неандертальцы, каким образом они использовали орудия, чем питались и каковы были символические аспекты их мира. Пожалуй, удивительней всего то, что из ничем не примечательных фрагментов костей извлекаются некогда исчезнувшие истории межвидовой любви, а в горстке пещерного грунта можно найти и выделить целые геномы.

Умные машины позволяют добыть терабайты данных из всего, что только можно вообразить, но этого недостаточно. Археологи знают, насколько важна форма объекта для понимания его содержания. В течение тысяч лет все предметы подвергались разрушению и старению, в результате чего дошли до нас в виде фрагментов. Прежде чем увлечься анализом, крайне важно зафиксировать положение артефактов, восстановив структуру каждого содержащего их слоя. Разлетевшиеся в стороны обломки, которые можно вновь соединить, особенности почвы, углы между поверхностями кремневых отщепов или степень воздействия природных условий на сохранность костей – все имеет значение для «расшифровки» информации об археологическом памятнике. Из таких осколков, нередко перепутанных между собой, мы и должны собрать историю.

Пока археологи с энтузиазмом продолжают раскопки, один полевой сезон приносит в среднем десятки и сотни тысяч тщательно отобранных предметов, каждый из которых нужно помыть, промаркировать и упаковать в отдельный пакетик. Со всей информацией о своем происхождении они хранятся также в цифровом виде внутри объемных баз данных, представляя собой бесценный ресурс, позволяющий изучать взаимосвязи между геологией, окружающей средой и поведением гоминин. Такое же повышенное внимание мы стали уделять и собранным в прошлом музейным коллекциям. Все чаще «классические» памятники – некоторые из них ежегодно посещают тысячи туристов – раскрывают новые и порой неожиданные тайны благодаря повторному исследованию с использованием новейших методов. Все это в совокупности позволяет нам ответить более точно, чем когда-либо прежде, на фундаментальные вопросы, например: «Чем питались неандертальцы?»

При этом даже краткий экскурс в неандертальскую диетологию показывает, насколько обманчиво прост этот вопрос. Дело не только в том, что существует множество материалов

и методов для исследований: можно сравнивать пропорции костей животных, изучать под микроскопом степени стачивания зубов и следы использования каменных орудий или проводить химический и генетический анализ сохранившихся остатков пищи и окаменелостей. Для обоснованных предположений о том, как формируются памятники, требуется очень тщательное изучение рациона. Даже там, где полно костей животных, покрытых следами разделки каменными орудиями, картина не всегда ясна. Археологи прошли долгий путь, прежде чем стали учитывать, например, роль других хищников или то, что разложение разных частей тела происходит с разной скоростью.

Но по мере продвижения вперед общая картина меняется. Выяснилось, что меню состояло не только из крупных животных. Следующий вопрос: а все ли неандертальцы ели одну и ту же пищу, во все времена и повсюду? Всё в жизни неандертальцев было взаимосвязано, и переплетений с другими фундаментальными вопросами предостаточно: сколько еды требовалось их организмам? Подвергали ли они пищу тепловой обработке? Как они охотились? Насколько обширными были территории их обитания? Какими были их социальные взаимоотношения? С каждым вопросом становится все сложнее и сложнее.

В процессе систематизации множества артефактов и археологических памятников нужно смотреть вширь и вглубь, возводя мосты между временами и территориями. Жизнь неандертальцев проходила в четырех измерениях, так что, если мы реконструируем мельчайшие подробности их охоты на северных оленей в одном месте, мы должны думать также о том, чем они занимались в другом месте – и в другое время. Существует много разных памятников от непонятных скоплений камней вокруг скелетов до бесчисленных костей в мощных зольных напластованиях – следов погребальных костров сотен животных. Такое разнообразие заставляет нас учитывать причудливые временные ритмы прошлого: в зависимости от того, как формируются слои, два равных по толщине слоя отложений могут представлять и один день, и 10 000 лет. Есть хорошие методы для датирования отдельных предметов, если, конечно, мы уверены, что эти предметы не перемещались между слоями. Вся информация, извлеченная из отдельных артефактов, слоев или объектов целиком, собирается в общую картину, обнаруживая взаимосвязь между различными подходами к неандертальской действительности.

Люди редко задумываются о таких тонкостях, обсуждая неандертальцев или даже пытаясь вникнуть в проблему. Большинство имеют о них самое общее представление и почти не разбираются в научных деталях. Более того, образ неандертальцев зачастую связан с вечной мерзлотой и мамонтами. Между тем существовал другой неандертальский мир, выходящий за рамки устойчивых стереотипов о зябнувших фигурах в обледенелых шкурах, едва дождавшихся появления *Homo sapiens*, чтобы сразу после этого отдать концы. Несмотря на более широкий, чем когда-либо ранее, доступ к научным данным – есть и ученые, готовые напрямую общаться в социальных сетях, и онлайн-трансляции конференций для всех желающих, – объективные и по-настоящему современные представления сформировать трудно из-за слишком мощного потока новых данных и сложности их интерпретации. Особо яркие, интересные находки привлекают внимание журналистов новостных каналов и захватывают врасплох даже ученых, однако внешне эффектные сюжеты не всегда так уж интересны. Тщательно аргументированные теории и дебаты, длящиеся десятилетиями, сенсаций в прессе не вызовут, но именно так возникают самые удивительные выводы о жизни неандертальцев.

На самом деле, в большинстве случаев на самые значимые изменения в представлениях влияют какие-то мелочи. По мере накопления данных поле зрения расширяется, и разрыв между «нами» и «ними» становится все меньше. Благодаря этому постепенному процессу выяснилось, что неандертальцы производили орудия из разных материалов, а не только лишь из камня; они использовали минеральные красители и собирали предметы вроде раковин и орлиных когтей... и, значит, что-то знали об эстетике. Кроме того, неандертальцы оказались разнообразнее, чем мы думали: они не безликие представители одного из видов гоминин,

а обитатели мира, размерами и богатством не уступавшего Римской империи. Грандиозная протяженность этого мира во времени и пространстве подразумевает культурное многообразие, сложность и эволюцию. Благодаря своему разнообразию и способности к адаптации неандертальцы успешно выжили как в затерянных краях, где ледники толщиной в километр соседствовали с тундрой, так и в жарких лесах и пустынях, на побережьях и в горах.

За 160 лет, прошедших после обнаружения (точнее, переобнаружения) неандертальцев, наша одержимость ими не ослабла. Эта история любви длится дольше человеческой жизни, но если сравнивать с тем огромным периодом, в течение которого они ходили по Земле – щурились от лучей восходящего солнца, дышали полной грудью, оставляли следы в грязи, на песке и снегу, – то на Великом циферблате истории за это время едва успела дрогнуть секундная стрелка. Наши представления о них постоянно меняются, причем это касается как обывателя, ищущего в интернете ответ на вопрос, являются ли неандертальцы людьми, так и тех, кто ежедневно работает с их останками. Неандертальцы преображаются у нас на глазах, каждое открытие подпитывает наше смешанное со страхом стремление знать, кем в действительности были эти древние люди. Что самое странное, они не могли и предположить о своей посмертной судьбе: вплетенная за эти почти двести лет в нашу науку и популярную культуру, теперь их история будет частью нашего далекого будущего.

На оставшихся страницах этой книги нарисован портрет неандертальцев на основе знаний XXI в.: это не жалкие неудачники с засохшей ветви генеалогического древа, а невероятно приспособленные и даже успешные наши дальние родственники. Вы читаете эту книгу, потому что они вам небезразличны, как и возникающие в связи с этим серьезнейшие, важнейшие вопросы: кто мы такие, откуда мы пришли и куда движемся.

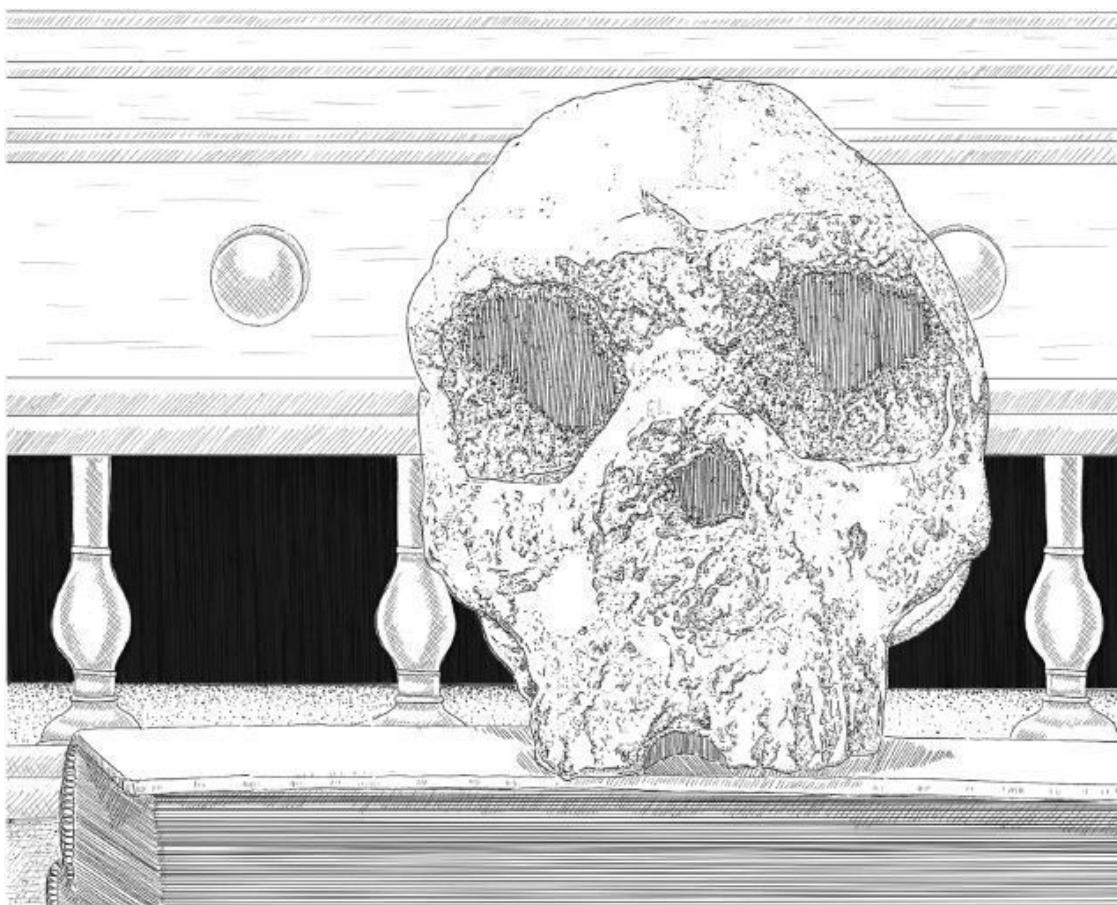
Всматривайтесь в тени, вслушивайтесь в послезвучия; они могут рассказать о многом. Не только о других путях эволюции человека, но и о том, как взглянуть на самих себя по-новому. Самое замечательное в неандертальцах то, что они имеют отношение ко всем нам и они – не тупиковое явление, которое можно рассматривать исключительно в прошедшем времени. Они здесь, пока мои пальцы печатают слова, а ваш мозг их воспринимает.

Продолжайте чтение, знакомьтесь со своими сородичами.

Глава 1

Шоу начинается

Грязный песок скрипит под ногами – мы стоим на крыше космоскреба головокружительной высоты. Вавилонянам такое и не снилось. Эта трехсоткилометровая башня выросла из земли, как суперсталагмит, по метру за каждый год истории человечества. Международная космическая станция стремительно пролетает над ней – глазом не успеешь моргнуть. Загляни за край крыши, и увидишь, как из тысяч отверстий по всей высоте башни струится свет. Ближе к нам расположены сияющие светодиодами окна квартир, но, если посмотреть вниз – в глубь веков, – освещение изменится. После янтарных переливов люминесцентных ламп глаза постепенно привыкают к свету газовых фонарей, которым, в свою очередь, предшествует огромный хор свечей.

Нужно прищуриться, чтобы различить тусклое мерцание еще ниже. Это отблески десятков тысяч глиняных светильников, чад от них окутывает башню, но мы все еще не достигли глубин истории человечества. Ты достанешь небольшой телескоп, и твои зрачки расширятся, жадно улавливая отблески древних огней. Взгляд проникает сквозь 30 км дрожащего пламени очагов, но нам нужно еще десять раз по столько же – на 300 000 лет назад. Свет и тень трепещут и сплетаются, отражаясь на каменных стенах, пока не остается лишь тьма, в которой теряется счет годам.

Время коварно. То оно бежит пугающе быстро, то течет так медленно, что кажется нам грузом, тяжесть которого измеряется в ударах сердца. Жизнь каждого человека полна воспоминаний о прошлом и вдохновляется мечтой о будущем, пусть живем мы в непрерывном потоке «настоящего». Мы – существа, влекомые течением времени, хоть и способные, вынырнув, осознать свое бессилие перед этой стремительной рекой. Дело не в расчетах или измерениях; в современной науке вычисления ведутся с умом непостижимой точностью, идет ли речь о возрасте Вселенной или о планковском времени¹. Но полноценное осмысление масштаба времени на эволюционном, планетарном, космическом уровнях все так же остается практически невозможным – мы как те первые геологи, потрясенные догадкой об истинном возрасте Земли. Установить связь с прошлым за пределами трех-четырех последних поколений (это та «живая память», в которой ориентируется большинство людей) – задача непростая. Еще сложнее сделать это в отношении более древних предков. Когда мы разглядываем старые фотографии, очертания реальности кажутся нам размытыми, хотя такой визуальный архив хранит память всего лишь пары предыдущих поколений. Фотографиям предшествует мир живописных портретов, и прошлое еще сильнее завлакивает пеленой. Осознать ошеломляющую бездну археологического времени гораздо, гораздо труднее.

Преодолеть разрыв между мимолетной реальностью и пучиной времени помогут психологические приемы. Сократив в уме те 13,8 млрд лет, в течение которых существует Вселенная, до одного года, мы удивимся, как близко динозавры окажутся к Христу, а первые *Homo sapiens* и вовсе появятся за несколько минут до рождественского фейерверка. Но гигантские, зияющие пропасти на линии времени никак не связаны между собой на такой наглядной шкале. Кое-что расставят по местам неожиданные сопоставления: к примеру, от Клеопатры до высадки на Луне прошло меньше времени, чем от строительства пирамид в Гизе до Клеопатры. Но это события всего лишь нескольких тысяч лет от наших дней. А если взять палеолит – археологическую эпоху перед последним ледниковым периодом, – то результаты окажутся более ошеломительными. Скачущие быки из пещеры Ласко ближе по времени к фотографиям в вашем телефоне, чем к изображениям лошадей и львов в пещере Шове. А где же место неандертальцев? За ними придется отправиться в еще более глубокое прошлое, чем те времена, когда чей-то палец выводил на каменных стенах силуэты животных.

Когда появился «первый» неандерталец, точно установить невозможно; отдельной популяцией они стали 450 000–400 000 лет назад. Ночное небо, нависавшее тогда над множеством вариантов гоминин, показалось бы нам чужим – наша Солнечная система в бесконечном галактическом вальсе сместилась на световые годы. К концу первой половины времени доминирования неандертальцев на планете – примерно через 120 000 лет от его начала – земля и реки в основном узнаваемы, однако ощущения от мира совершенно иные. Воздух теплее, а воды, образующиеся в результате таяния льдов в океанах, затопили сушу, из-за чего берега поднялись на много метров выше. Удивительно, но тропические животные бродят даже по огромным долинам Северной Европы. В общей сложности неандертальцы продержались впечатляющие 350 000 лет – и на отметке примерно 40 000 лет назад мы теряем их (или, по крайней мере, их окаменелые останки и артефакты) из виду.

Это было так давно, что не укладывается в голову. Но дело не только во времени: неандертальцы, помимо прочего, занимали необычайно обширное пространство. Будучи скорее евразийцами, чем европейцами, они жили на территориях от северного Уэльса до границ Китая, а в южном направлении – до пустынь Аравийского полуострова.

Чем больше мы узнаем о неандертальцах, тем разнообразнее и сложнее возникающая перед нами картина. За всем не уследишь: раскопаны тысячи археологических памятников. Поэтому мы будем держаться ориентиров – ключевых объектов, отражающих знаковые

¹ Самая короткая поддающаяся измерению единица времени.

моменты истории неандертальцев, – и одновременно смотреть шире, учитывая необъятность темы. Некоторые из памятников – например, грот Абрик Романи в Испании или Денисова пещера в Сибири – рассказывают о невероятных открытиях нашего века. Другие, подобно гроту Ле Мустье в самом сердце региона Перигор на юго-западе Франции, иллюстрируют хроники жизни неандертальцев, переплетенные с историей самой археологии как науки. В этом гроте обнаружены чрезвычайно важные находки – два скелета, о которых мы еще поговорим позже, – а также каменные артефакты², позволившие отнести объект к характерным памятникам неандертальской культуры. Грот Ле Мустье был свидетелем исследований, длившихся более века, принимал в своих стенах целый ряд ученых, а незадолго до Первой мировой войны даже стал источником значительных геополитических проблем. Однако история с неандертальцами начинается не в Ле Мустье и не во Франции 1914 г. Нам нужно отступить еще на пять десятилетий назад, в 1850-е гг.

Точка отсчета

Все любят истории из серии «А как вы познакомились?». Замысловатый рассказ о наших отношениях с неандертальцами состоит из озарений и недоразумений: он рожден промышленной революцией, опален войнами, сияет блеском потерянных и найденных драгоценностей. Начиная с забытых ныне встреч десятки тысячелетий назад, когда мы увидели друг в друге людей, и до сравнительно недавнего открытия этих древних родственников наша страсть не ослабевает. Будь у нас машина времени, мы бы устремились обратно в плейстоцен³, чтобы пройтись по инею и услышать дыхание мамонта. Но, чтобы ясно увидеть и начало, и конец этой грандиозной и запутанной истории, начинать нужно с середины.

Давайте перенесемся всего на пять-шесть поколений назад и посмотрим, как зарождалась наука, изучающая эволюцию человека. Будучи изначально нарциссической (как-никак дитя викторианского мировоззрения), она всегда касалась вопросов о том, кто мы такие и в чем наше предназначение. В условиях величайших, до той поры невиданных социально-экономических потрясений ученые XIX в. размышляли над диковинными костями, обнаруженными в европейских пещерах. С самого начала было ясно одно: неандертальцы породили нескончаемые споры о том, что значит быть человеком. На свете не так много фундаментальных, выходящих за рамки простого любопытства вопросов, ответы на которые имеют столь большое значение. Выяснив, каким образом первые исследователи доисторического периода решали проблему классификации этих неоднозначных существ, мы сможем понять противоречивость сведений о неандертальцах и объяснить, с чем связаны сохраняющиеся по сей день предрассудки.

Эта история началась в конце лета 1856 г. Карьеры, в которых активно велась добыча мрамора и известняка, постепенно добрались до глубокого ущелья, расположенного в красивейшем месте к юго-западу от Дюссельдорфа. Ближе к вершине скалы находилась пещера, известная как грот Фельдхофер. Она была заполнена тяжелыми, плотными отложениями, для удаления которых требовалось проведение взрывных работ. Внимание одного из владельцев карьера привлекли крупные кости, извлеченные рабочими из грота. Будучи членом местного общества естественной истории, он предположил, что кости могут принадлежать вымершим животным и представлять научный интерес, поэтому решил не выбрасывать этот разношерстный набор, включающий – что особенно важно – черепную крышку. Место находки

---

² Мы предпочитаем использовать термин «артефакт», употребляя слово «орудие» для тех предметов, которые следовало держать в руках.

³ Плейстоцен – отрезок геологической временной шкалы. Это первая эпоха четвертичного периода, начавшаяся около 2,8 млн лет назад и сменившаяся примерно 11 700 лет назад современной геологической эпохой – голоценом.

посетил Иоганн Карл Фульрот, основатель общества, определивший, что кости принадлежат человеку. Он отметил и то, что кости успели окаменеть, а значит, были очень древними⁴.

Судя по всему, находка из Фельдхофера поразила воображение местной общественности, а после сообщений в прессе загадочными костями заинтересовались ученые, занимающие более высокие ступени в интеллектуальной иерархии. В начале 1857 г. гипсовый слепок черепной крышки выслали в Бонн анатому Герману Шафхаузену, который, к счастью, не исключал того, что кость может принадлежать человеку. Сами окаменелости в конце концов также были упакованы в деревянный ящик и в сопровождении Фульрота отправились в Бонн по железной дороге, построенной всего десять лет назад. Окинув кости опытным взглядом, Шафхаузен сразу отметил их массивность – особенно это касалось черепа. В то же время другие признаки, к примеру покатый лоб, напомнили ему об обезьянах. Учитывая их явно древний возраст и пещерное происхождение, он склонялся к тому, что это останки примитивного человека. Тем летом они с Фульротом представили свои находки на заседании Общества естественной истории провинций Рейнланд и Вестфалия. Всего через несколько лет после этого неофициального дебюта в обществе еще более счастливая случайность позволила спасенным костям первыми среди ископаемых человеческих останков обрести научное название – *Homo neanderthalensis*.

Сегодня слово «неандерталец» знакомо всем, меж тем его история полна необычайных совпадений. Долина Неандерталь (букв. «долина Неандера»), где изначально покоились кости, была названа в честь Йоахима Неандера, педагога, поэта и композитора, жившего во второй половине XVII в. Будучи кальвинистом, он, бывало, черпал религиозное вдохновение в природе, в том числе во время прогулок в глубокой долине реки Дюссель. Живописные пейзажи этого места – утесы, пещеры, скальные арки – так полюбились художникам и романтически настроенным путешественникам, что вокруг него выросла целая туристическая индустрия. Йоахим Неандер умер в 1680 г., но оставил достойное наследство – его знаменитые гимны даже были исполнены три столетия спустя во время празднования бриллиантового юбилея правления королевы Елизаветы II. К началу XIX в. в его честь называли одно из ущелий – Неандерхёле, – а еще через несколько десятилетий сам Йоахим уже не узнал бы этих мест. В результате активной разработки карьеров узкие теснины исчезли, а образовавшаяся долина стала именоваться Неандерталь. Вот что удивительно: изначально семья Йоахима носила фамилию Нойман, но, следуя моде на классические имена, его дед изменил ее на греческий лад – Неандер. Оба слова – «Нойман» и «Неандер» – в буквальном переводе означают «новый человек». Разве можно было подобрать более подходящее название для места, где впервые обнаружили новый вид человека?

Даже если с точки зрения анатомии все было очевидным, все-таки требовалось доказательство того, что кости действительно очень древние. Фульрот и Шафхаузен вернулись в карьер и побеседовали с рабочими, которые подтвердили, что останки лежали на глубине около 0,5 м (2 фута) в ненарушенном слое глины. В гибридной библейско-геологической трактовке Фульрота это указывало на времена до Великого потопа, то есть на чрезвычайно древний возраст скелета. Это придало первооткрывателям уверенности, и они опубликовали резонансное заявление о том, что до *Homo sapiens* существовал некий впоследствии исчезнувший человеческий вид. Кстати, еще одно совпадение: в том же 1859 г. научное сообщество испытало подобное потрясение от теорий естественного отбора Дарвина и Уоллеса. Но по-настоящему оглушительный успех находку из Фельдхофера достиг лишь два года спустя, когда замечательный биолог Джордж Баск перевел с немецкого оригинальную статью.

Сегодня о нем мало кто знает, но в XIX в. Баск был одним из ярких представителей научной элиты и интересовался столь разнообразными областями знания, что сейчас это кажется

⁴ Даже те окаменелые останки, которым «всего» несколько десятков тысяч лет, заметно отличаются по текстуре поверхности от современных костей.

невозможным, а тогда такая универсальность была присуща многим ученым. Будучи членом Геологического общества, президентом Этнографического общества, а к 1858 г. – секретарем секции зоологии Линнеевского общества (передового научного общества по изучению биологии), в 1861 г. Баск перевел и прокомментировал статью о находке из грота Фельдхофер. Он отметил, что принадлежность человеческих останков к периоду глубокой древности была убедительно доказана артефактами, обнаруженными в разных местах рядом с вымершими животными, и особое внимание обратил на сравнение обнаруженного черепа с шимпанзе. Кроме того, он указал на насущную потребность в продолжении поисков подобного материала.

На самом деле такие находки ранее уже встречались, однако не были правильно распознаны. Человечество тысячелетиями не вспоминало о своих давно утраченных родственниках, а затем, в первой половине XIX в., – как автобусы на остановку – один за другим явились сразу трое кузенов. Череп первого из них в 1829 г. попал в руки Филиппа-Шарля Шмерлинга – одного из растущего числа любителей «окаменелостей», имевшего притом медицинское образование. В пещере Анжи (Бельгия) он обнаружил человеческие кости. Вместе с останками других животных и каменными орудиями они лежали под полутораметровым слоем сцементированных обломков породы⁵.

Несмотря на свою необычную продолговатую форму, череп из Анжи⁶ большого внимания не привлек, потому что принадлежал ребенку: как и мы, юные неандертальцы должны были «дорости» до взрослого состояния. Череп взрослого индивида из грота Фельдхофер выглядел массивнее, к тому же вместе с ним обнаружили и другие части тела⁷. Ребенку из Анжи пришлось ожидать идентификации до начала XX в., однако, к счастью для Баска, на территории, контролируемой Великобританией, нашли другого неандертальца – на этот раз взрослого.

В 1848 г. в Гибралтаре в руки офицера с поразительно соответствующей случаю фамилией – Флинт⁸ – попал череп. Дело снова было в добыче известняка (на этот раз для укрепления британских фортификационных сооружений), однако благодаря служебному положению лейтенанта Эдмунда Флинта и его увлечению естественной историей находку не выбросили⁹.

Гибралтарская скала вздымается ввысь, как гигантский зуб гиены. Ее флора и фауна привлекали внимание увлеченных любителей природы из числа сослуживцев Флинта, а он сам был секретарем их научного общества. В протоколе заседания от 3 марта 1848 г. зафиксировано его выступление с демонстрацией «человеческого черепа», найденного в карьере Форбса, выше места размещения артиллерийской батареи XVIII в. Без сомнений, офицеры передавали находку из рук в руки, вглядывались в огромные глазницы, но, помимо того что череп (в отличие от фельдхоферского) был практически цел, ничего выдающегося, судя по всему, в нем не увидели. Возможно, детали скрывались под слоем отложений, но неспособность «увидеть» его экзотическую форму следует отметить особо.

Череп из карьера Форбса оставался неприметным экспонатом в коллекции офицерского научного общества, пока в декабре 1863 г. его среди других предметов не увидел Томас Ходжкин¹⁰, врач и любитель этнографии, посетивший Гибралтар. По всей видимости, он читал выполненный его другом Баском перевод сообщения о находке из грота Фельдхофер, поэтому и заметил нечто особенное в черепе, который к этому времени, вероятно, находился на попечении капитана Джозефа Фредерика Броума, уважаемого гибралтарского антиквара и начальника военной тюрьмы. Увлекавшийся геологией и палеонтологией Броум в течение

⁵ Это называется брекчия.

⁶ В отечественной литературе можно встретить вариант написания «Энгис». – *Прим. науч. ред.*

⁷ Изначально в гроте Фельдхофер были найдены обе бедренные кости, левая тазовая кость, обломки ключицы, одна лопатка, большая часть костей рук и пять ребер.

⁸ Flint – кремень, кремневое орудие (*англ.*). – *Прим. пер.*

⁹ Скорее всего, череп обнаружил не сам лейтенант, а неизвестный рабочий с каменоломни.

¹⁰ Описал болезнь, известную как лимфома Ходжкина.

нескольких лет посылал Баску собственные находки, а потому череп из Форбса также отправился в Британию и в июле 1864 г. был доставлен по адресу.

Должно быть, Баск сразу заметил, что большой нос и выдающаяся вперед лицевая часть на удивление схожи с чертами, на которые намекал фельдхоферский череп, включавший лишь черепную крышку с частью края глазницы. Он также понял, что эти исчезнувшие люди, скорее всего, жили на территории «от Рейна до Геркулесовых столбов». Буквально через два месяца череп из Форбса был впервые продемонстрирован ученым, хотя кое-кто удостоился специального предварительного показа. Благодаря замечательной привычке викторианских джентльменов вести переписку нам известно, что череп из карьера Форбса с большой долей вероятности побывал в руках Чарльза Дарвина. Доставил его коллега Баска, палеонтолог Хью Фальконер, поскольку состояние здоровья не позволяло Дарвину самому совершить поездку на торжественную церемонию. Дарвин счел находку «удивительной», однако поскольку он всегда был немногословен, когда дело касалось происхождения человека, то никаких сведений о его реакции на неандертальцев не осталось.

Чтобы установить геологический контекст, в котором находился череп, Баск и Фальконер вернулись в Гибралтар в том же году. Увиденное позволило им уверенно заявить, что это второе из известных чрезвычайно древних «дочеловеческих» существ. Впрочем, предложенное ими название вида *Homo calpicus*¹¹ не стало общепринятым. Уильям Кинг, бывший директор музея Хэнкока в Ньюкасле и глава кафедры геологии и минералогии в университете Голуэй, занимался изучением слепков останков из грота Фельдхофер, и предложенное им название было опубликовано, пока найденный в Гибралтаре череп плыл в Великобританию. По действующему в науке правилу первенства мы до сих пор используем название *Homo neanderthalensis*.

Однако наиболее жаркие споры разразились вовсе не по поводу присвоения имени этим необычным ископаемым останкам. Сильный общественный резонанс, вышедший за рамки научного сообщества, был вызван закреплением за ними звания вымерших членов нашего рода, *Homo*. Эта идея, резко противоречившая представлениям западного мира XIX в., натолкнулась на яростное сопротивление¹². С резкой критикой незамедлительно выступил Август Франц Йозеф Карл Майер, вышедший в отставку коллега Шафхаузена, специалист в области анатомии и креационист.

Майер утверждал, что это были останки больного и травмированного – но в остальных отношениях обычного – человека. Чуть позже, в 1872 г., знаменитый биолог Рудольф Вирхов осмотрел кости из грота Фельдхофер и согласился, что анатомические особенности можно объяснить тем, что останки принадлежат страдающему артритом, рахитичному русскому казаку со сломанной ногой и искривленным из-за долгой верховой езды скелетом. Якобы он укрылся в пещере и там умер. Сегодня это звучит до смешного неправдоподобно – и, как ни странно, как раз подчеркивает схожесть костей с человеческими, – но Вирхов пользовался всеобщим уважением в медицинских кругах как основоположник теории клеточной патологии и разработчик первых методик патологоанатомического вскрытия. Наверное, неудивительно, что он связывал анатомию фельдхоферских костей с болезнью и ранением, предположив даже, что тяжелые надбровья сформировались потому, что человек, испытывая хроническую боль, постоянно хмурился¹³.

---

¹¹ В слове «кальпикус» содержится отсылка к древнему финикийскому названию Гибралтара; если бы бельгийскую находку идентифицировали раньше, вполне возможно, что сейчас мы говорили бы об «авирианцах».

¹² Редакторы оригинальной статьи о находке в гроте Фельдхофер это предвидели, тактично указав в примечании, что не все разделяют экстравагантную авторскую трактовку.

¹³ Однажды Вирхов применил свои научные знания в целях защиты. Будучи вызванным на дуэль Бисмарком, он воспользовался правом выбора оружия и предложил дуэль на сосисках, одна из которых содержала личинки паразитов, губительных для человеческого организма. Бисмарк отказался от дуэли.

Между тем Баск тоже был медиком. За десятилетия службы хирургом в военно-морском флоте он сталкивался с различными травмами, заболеваниями и инфекциями и, несомненно, в той же мере подвергался искушению рассматривать неандертальцев сквозь призму патологий, однако от этого его уберегли знания в области зоологии и опыт в классификации видов¹⁴. Баск был уверен, что строение увиденных им костей невозможно объяснить ни болезнью, ни физической травмой, и с удовлетворением заметил: те, кто отказывается принимать фельдхоферскую находку, должны признать, что хилый казак вряд ли дошел бы до Гибралтара, чтобы там умереть. Эти дебаты продолжились и в XX в., но так или иначе неандертальцы не возникли из тьмы, подобно горящим стрелам неприятеля. В западных интеллектуальных сообществах все чаще высказывались сомнения в том, что мир в точности воспроизводит библейские предания.

Разнообразные естественно-научные открытия, сделанные со времен Средневековья, – от неизвестных континентов до астрономических тел, которые раньше были невидимыми, – привели к перестройке системы знаний и философии. И хотя окаменелости попадались людям на глаза на протяжении тысячелетий, лишь к XVIII в. биологи начали относиться к ним как к некогда жившим существам, которых можно изучать. Ученые обращали все больше внимания на земные глубины: например, уже в 1771 г. была изучена огромная пещера Гайленройт в Германии. Возникло представление о «затерянных мирах», населенных исчезнувшими животными. Богословские теории о цикличности стихийных бедствий ничуть не утратили своего влияния, однако к началу XVIII в. стало очевидно, что представления о допотопной Земле не соответствуют действительности. Выяснилось, что арктические животные – например, северные олени – когда-то обитали на многие тысячи километров южнее. Было верно и противоположное: кости гиппопотамов были обнаружены в не имеющем никакого отношения к тропикам Йоркшире. В эволюцию живых организмов верили еще не все. Некоторые естествоиспытатели – в том числе приверженцы религиозных учений, как, например, Вирхов, – даже видели в таких теориях угрозу нравственности, опасаясь, что это приведет к социальному дарвинизму.

Между тем по мере обнаружения новых ископаемых останков появлялось все больше аргументов в пользу существования другой разновидности человека. Всего через год после того, как неандертальцам официально присвоили предложенное Кингом название, было выдвинуто предположение, что нижняя челюсть без подбородка, найденная в Бельгии вместе с мамонтом, северным оленем и носорогом, принадлежит тому же виду. Однако прошло еще два десятилетия, прежде чем были найдены почти целые скелеты. В 1886 г. в той же Бельгии, в пещере Бек-о-Рош близ селения Спи, были обнаружены останки двух взрослых особей, и стало ясно, что известные ранее уплощенные, продолговатые черепа со скошенными подбородками и мощные конечности принадлежали примерно таким же существам. Это убедило ученых в том, что неандертальцы являются исчезнувшей популяцией с характерной анатомией. Но, разумеется, ископаемые останки – это еще не вся история.

Время и камень

Перед первыми исследователями доисторического периода стояла фундаментальная проблема – время. Не располагая методами точного определения возраста, они опирались на относительную хронологию: окаменелости или артефакты, найденные вместе с останками вымерших животных, очевидно, были старше современного мира. Британский геолог Чарльз Лайель понимал, что древнее прошлое Земли простирается далеко за пределы нескольких библей-

---

¹⁴ Баск занимался идентификацией образцов из коллекции Дарвина, собранной во время путешествия на корабле «Бигль», а также редактировал научные статьи Дарвина и Уоллеса по естественному отбору.

ских тысячелетий, и в своем великом труде «Основные начала геологии» доказал: если времени достаточно, то мир может быть «сотворен» в ходе простых, наблюдаемых геологических процессов. Всю историю планеты можно расшифровать с помощью метода стратиграфии: поскольку с течением времени осадочные породы накладываются друг на друга, то более древний возраст имеют пласты, залегающие на большей глубине. Лайеля очень заинтересовал грот Фельдхофер, и в 1860 г., не дожидаясь перевода Баска, он отправился туда с целью изучения сохранившихся отложений. Фульрот показал ему череп и подарил слепок: образец совместного использования данных в Викторианскую эпоху. К тому времени сама пещера уже была на грани разрушения, и экспертное мнение Лайеля сыграло решающую роль для признания ее древнего возраста в научной среде.

Более того, стратиграфический принцип Лайеля лег в основу археологии как научной дисциплины. Он давал возможность структурировать процессы, происходившие в далеком прошлом, установить относительный геологический возраст рельефа и проиллюстрировать, как формировались отложения в границах археологических памятников. Выявленные во время раскопок вариации цвета или текстуры грунта, а также содержимое каждого слоя – артефакты и кости животных – указывают на то, как с течением времени изменялись условия. В течение многих десятилетий доводы в пользу того, что неандертальцы были до неприличия древними, как многие и подозревали, опирались исключительно на такие рассуждения. Потребовалось почти столетие, чтобы ученые наконец разработали методы прямого датирования находок. Начиная с 1950-х гг., когда был изобретен радиоуглеродный метод определения возраста¹⁵, появилось бесчисленное множество других способов, применимых практически ко всему: к костям, сталагмитам и даже отдельным песчинкам.

Некоторые категории каменных артефактов даже могут быть датированы напрямую, хотя ни одна из ранних находок ископаемых останков неандертальцев не сопровождалась, как думали тогда, рукотворными предметами. Сейчас-то мы знаем, что и в Фельдхофере было много орудий, но первооткрыватели не так хорошо разбирались в древних технологиях, чтобы отличить естественным образом расколовшийся камень от обтесанного преднамеренно.

Как и в случае с окаменелостями, люди интересовались древними артефактами задолго до того, как были обнаружены первые неандертальцы. В обществах эпохи металла случайные находки каменных массивных ручных рубил или изящных стрел требовали объяснения. Люди искали как естественные, так и сверхъестественные причины их появления, называли их «громовыми» камнями, верили в их способность притянуть к себе удар молнии¹⁶ или сочиняли сказки про крохотных эльфов, использовавших такое оружие. Историки же, с другой стороны, связывали эти вещи с известной им хронологией. Одно из первых задокументированных описаний доисторического каменного орудия относится к 1673 г., когда в Лондоне на Грейс-Инн-Лейн рядом с костями якобы «слона» был обнаружен предмет треугольной формы. Хотя в то время уже начинало формироваться представление о геологическом возрасте, было все же решено, что найденные кости принадлежат слону римлян, атакованному кельтским воином. Самой мысли о том, что с момента изготовления этого изделия и до основания Рима прошло время жизни тысяч поколений, ни у кого не могло и возникнуть. Тем не менее спустя примерно столетие общество уже было готово к тому, что глубоко погребенные кости относились к «воистину весьма отдаленным временам, даже более ранним, чем сам наш мир»¹⁷. Однако

¹⁵ Радиоуглеродное датирование, вероятно, наиболее известный большинству неспециалистов метод определения абсолютного возраста. Основанный на прогнозируемых скоростях распада изотопа углерода-14, он позволяет датировать органические материалы возрастом приблизительно до 55 000 лет.

¹⁶ Не такая нелепая идея, как кажется: существует минерал фульгурит, который образуется в результате удара молнии в богатые кремнием горные породы.

¹⁷ Слова Джона Фрира, обнаружившего в 1797 г. в Норфолке (Великобритания) каменные артефакты рядом с останками вымерших животных.

истинное значение каменных изделий для понимания ранней истории человечества еще предстояло открыть.

Первым, кто целенаправленно, хотя и по незнанию, извлек из земли неандертальские артефакты, был француз Франсуа де Жуанне. В период между 1812 и 1816 гг. он проводил раскопки в гротах Пеш-де-л'Азе I и Комб-Греналь на юго-западе Франции и обнаружил обожженные кости животных и остатки производства кремневых орудий. Принципиально важным было его замечание о том, что они залегали в древней брекчии, но поскольку даже до обнаружения черепа в Анжи еще должно было пройти больше десяти лет, то он понятия не имел о неандертальцах и о вымерших гомининах вообще. Де Жуанне не придумал ничего лучше, чем соотнести свои находки с «очень древними галлами», что на удивление похоже на стопятидесятилетней давности интерпретацию орудия с Грейс-Инн-Лейн¹⁸.

После де Жуанне появлялось все больше свидетельств в пользу того, что такие находки невозможно втиснуть ни в исторические, ни в библейские временные рамки. На юго-востоке Франции в пещерах Бизе антикварий¹⁹ Поль Турнал обнаружил кости пещерного медведя и северного оленя рядом с явно рукотворными предметами и в 1833 г. выдвинул предположение об эпохе *anté-historique* (доисторической). Примерно в то же время французский археолог Жак Буше де Перт обнаружил обработанные кремни, погребенные глубоко под галькой в долине реки Сомма на севере Франции. Трудно было себе представить, что они появились там в недалеком прошлом, хотя даже окаменелые останки слонов и носорогов не имели тогда достаточного научного признания. Что-то стало меняться лишь примерно в те же годы, когда распространились новости о находке из грота Фельдхофер.

Здесь мы вновь встречаемся с Хью Фальконером, доставившим найденный в карьере Форбса череп Дарвину. Как и Баск, Фальконер сегодня не очень известен, однако он стоял у истоков науки об эволюции человека. После многолетних палеонтологических изысканий в колониальной Индии он провел в 1858 г. раскопки в пещере Бриксхэм (графство Девон, Англия), где под сталагмитовой коркой на дне пещеры обнаружил каменные орудия и исчезнувшую фауну. В том же году Фальконер посетил галечники Буше де Перта и, убедившись в их почтенном возрасте, посоветовал съездить туда геологу Джозефу Прествичу. По стечению обстоятельств Прествич встретил там Джона Эванса, известного знатока каменных орудий, и Чарльза Лайеля, приехавшего к Буше де Перту по своей инициативе. В 1859 г. все они авторитетно заявили, что и каменные артефакты, и останки вымерших животных действительно относились к одному и тому же периоду глубочайшего прошлого. Итак, «*scientificos*»²⁰ свое мнение высказали, однако скептики не унимались: а может, все-таки те, чьими руками были изготовлены орудия, жили после того, как мамонты и им подобные уже вымерли?

Абсолютно неоспоримые – и интереснейшие – свидетельства, доказывающие, что люди действительно видели вымерших животных во всем их шерстистом великолепии, были найдены совсем скоро. Более чем в 560 км к югу от залежей гальки на Сомме в месте слияния рек Бон и Везёр находится деревня Лез-Эзи-де-Тайак. В январе там царит тишина, которую нарушают только сапсаны над высокими скалами, но летом по узким, разогретым солнцем дорожкам ходят толпы туристов: эта деревня, окруженная сотнями пещер и скальных навесов среди живописных известняковых ущелий и плато, является столицей первобытной страны чудес. Отведав омлет с трюфелями в *Café de La Mairie*, посетители идут в Национальный музей доисторической эпохи, построенный вокруг развалин замка под скальным навесом. Здесь сохранились сложной конструкции очаги, перекликающиеся с многослойными зольниками камен-

¹⁸ Де Жуанне проводил раскопки за какие-то считанные годы до того, как в 1817 г. Кристиан Юргенсен Томсен предложил систему периодизации истории в виде трех веков: каменного, бронзового и железного.

¹⁹ Антикварий – коллекционер, любитель древностей; этот термин употребляют, чтобы подчеркнуть научный интерес к искусству и археологии, а не коммерческий, как у антиквара – торговца антиквариатом. – *Прим. ред.*

²⁰ Ботаник и исследователь Джозеф Хукер в письме Дарвину использует слово «*scientificos*» в противовес слову «плебс».

ного века, уходящими на несколько метров вглубь земли. С древнего бастиона невозмутимо и пристально смотрит вдаль огромная скульптура неандертальца в стиле ардеко: как его сокровенные мысли, скрыты в этой земле ее многочисленные тайны.

Относительной изоляции Лез-Эзи пришел конец в 1863 г., когда при осуществлении амбициозного проекта железной дороги, соединяющей Париж с Мадридом, пустили ветку в Перигор. С этого момента сонная деревушка стала превращаться в эпицентр споров о происхождении западной цивилизации, что в конечном итоге привело к ее включению в список объектов Всемирного наследия. Сегодня недалеко от того места, где железнодорожный путь изящно сворачивает на юг от вокзала, можно взять напрокат каноэ и проплыть вверх по извилистому руслу Везёра. Через несколько километров напротив замка на вершине холма вашему взгляду предстанет скальный навес Ла-Мадлен. Нынче туристы бродят по знаменитым средневековым руинам в непосредственной близости от стоянки первобытных людей, до сих пор скрытой в зарослях так же, как и в 1864 г.

Тем летом Фальконер навел археологические раскопки, которые вели здесь два пассажира прибывших годом ранее новеньких блестящих поездов. Богатство Генри Кристи, британского банкира, позволило ему собрать «одну из лучших частных археологических коллекций в Европе»²¹, благодаря чему он необычайно хорошо разбирался в каменных орудиях труда. Его партнер, француз Эдуард Ларте, на тот момент уже был известен среди исследователей доисторической эпохи, поскольку занимался археологическими раскопками еще с 1830-х гг.²² Когда появились слухи о коллекциях местного аристократа и о находках, попавших в парижский антикварный магазин, Кристи и Ларте предприняли совместные работы в долине Везёра. Обследовав сначала верхний грот Ле Мустье, на обратном пути они заметили на другом берегу реки еще один большой грот, открывшийся взглядам только потому, что была зима и на деревьях не осталось листьев.

Это место, получившее название Ла-Мадлен, изобиловало археологическими находками, изготовленными ранними *Homo sapiens* спустя десятки тысячелетий после неандертальцев. Тем не менее там было кое-что, имевшее решающее значение для признания места неандертальцев в эволюции человечества. Раньше те, кто скептически относился к идее древнего происхождения человека, объясняли нередкие во Франции находки рогов северного оленя с резьбой тем, что уже окаменевший роговой материал был найден и обработан гораздо позже исчезновения таких животных в этих местах. Этот довод был опровергнут в Ла-Мадлен, когда рабочие, нанятые Ларте и Кристи, обнаружили осколок бивня мамонта с насечками. Так случилось, что Фальконер – лучший в мире специалист по ископаемым останкам слонов – прибыл на место раскопок в тот самый день. Когда бивень очистили от земли, он сразу заметил, что вырезанные изогнутые линии образуют куполообразную голову мамонта со старательно изображенным шерстяным покровом²³. Уже один этот артефакт доказывал, что люди сосуществовали с вымершими животными и что все их «старье», извлеченное из европейских пещер, на самом деле относится к невероятно древнему миру.

²¹ Так писал сам Фальконер в воспоминаниях.

²² Ларте получил юридическое образование, но, согласно слухам, увлекся палеонтологией после того, как получил от фермера в оплату своих услуг зуб мамонта.

²³ Благодаря находкам, сделанным в XVIII в. в вечной мерзлоте на территории России, тогда уже было известно, что мамонты имели шерсть.

Открытие, сделанное в Ла-Мадлен, стало последним кирпичиком в фундаменте современной науки о происхождении человека. Пройдет еще около пятидесяти лет, прежде чем исследователи доисторической эпохи, собирая коллекции каменных артефактов, действительно начнут разбираться в том, кто, что и когда делал. Но они уже перешли Рубикон, разделяющий две космологические модели: прежнее представление о том, что Вселенная создана для нас, и новый мир, в котором мы все – дети самой Земли, обладающие множеством братьев и сестер. Наша книга продолжает вести читателя в этот новый мир, рассказывая, как неандертальцы из научного недоразумения превратились в каком-то роде бессмертных, странным образом притягательных существ, которых мы и открыли, и будто сами и создали. Но для начала давайте взглянем на наш семейный портрет, чтобы понять, где находятся неандертальцы, с учетом, скажем откровенно, необозримого периода эволюции.

Глава 2

Река побеждает дерево

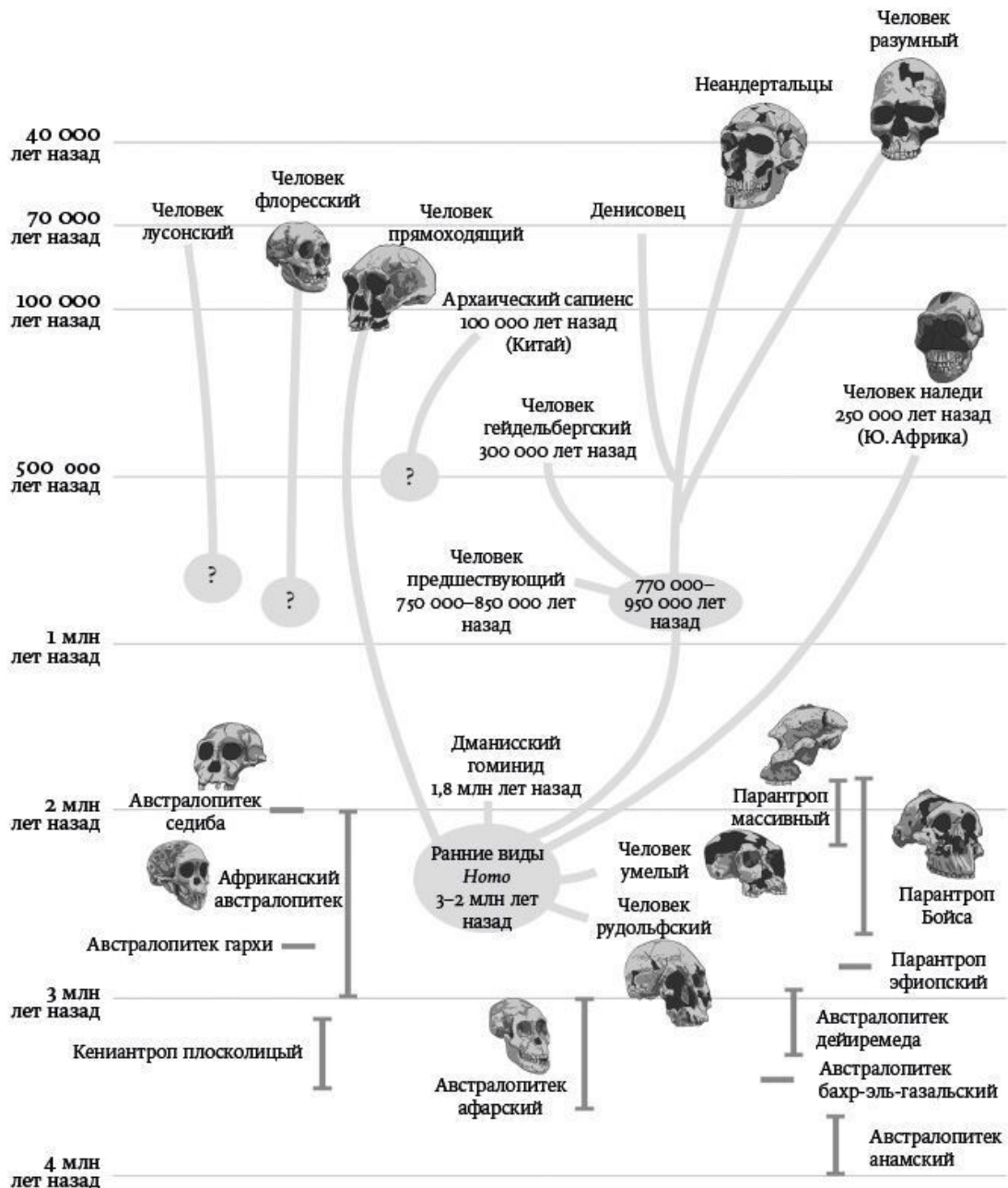
Закрой глаза и сними обувь. Приглушенной краснотой солнце проникает сквозь веки, трава покалывает пальцы ног, под ступнями – пыль. Чувствуешь тепло, будто чья-то рука взяла тебя за плечо; откуда-то ты точно знаешь чья. Открой глаза – и увидишь свою мать под небом, одновременно солнечно-светлым и звездно-темным. Это место вне времени, где все люди находят друг друга. Слышишь тихие шаги: подходит другая женщина – твоя бабушка, мама твоей мамы. Может, ты говорил с ней на прошлой неделе или двадцать лет назад или знаешь ее лишь по старым расплывчатым фотографиям. Бабушка берет за руку свою дочь и оборачивается: позади нее на бесконечной равнине, взявшись за руки и глядя в одном направлении, вереницей стоят женщины.

Сбившись со счету, ты понимаешь, что их здесь сотни и тысячи. Чем дальше, тем более чужими становятся лица, хотя порой мелькнет знакомый локон, походка, контур скул. Вереница уходит за горизонт, а твой взгляд поднимается вверх, где молочные брызги звезд перемешались за десятки тысяч лет. Затем ты ощущаешь, как по цепочке, образованной множеством рук, будто проходит ток: бесконечные циклы любви и потерь, полмиллиона лет бередивших души и кости, проникают в твою кровь, в самое сердце. Кружится голова, но мама сжимает руку, и лишь тогда, удивленно хлопая глазами, ты видишь это. Из одной материнской линии сплетается невероятное кружево (бессмертного) рода человеческого, превращаясь в едва

*различимое синеющее плато на границе времен. Они все здесь, эти другие.
И всегда здесь были.*

Все мы – воплощенное наследие женщин нашего рода. Глаза, схожие по строению с теми, что читают сейчас эти слова, впервые увидели свет более 500 млн лет назад. Пять проворных пальцев, листающих эти страницы, сжимали, хватали и скребли на протяжении 300 млн лет. Возможно, сейчас вы слушаете музыку или аудиозапись этой книги; гениальная трехкостная структура уха позволяла улавливать любовные вздохи и крики ужаса во времена, когда мы удирали от ископаемых ящеров. Мозг, обрабатывающий это предложение, вырос до своего нынешнего размера почти 500 000 лет назад – и им успели воспользоваться неандертальцы.

Нужно рассмотреть нас с ними в более глубоком биологическом и эволюционном контексте, чтоб осознать нашу общность. Это покажет и то, насколько ошибочными были преобладавшие в XIX в. представления о неандертальцах как о недостающем звене между нами и обезьянами. К тому времени о вымерших приматах уже было известно: в 1836 г. некто иной, как Эдуард Ларте, обнаружил останки ископаемой обезьяны. Позднее – в том же году, в котором во время проведения взрывных работ в гроте Фельдхофер были извлечены кости неандертальца, – он обнаружил первую европейскую человекообразную обезьяну, получившую название дриопитек. Но вымершие люди? Это было шоком.

Рис. 1. Место неандертальца в подсемействе гоминин в контексте эволюции.

(Основано на материалах, любезно предоставленных Дж. Хоуксом, и на рис. 2 из Galway-Witham, J. et al. 2019. Aspects of human physical and behavioural evolution during the last 1 million years.

Journal of Quaternary Science, 34: 355–378.)

Сегодня ситуация кардинально изменилась. Хотя кое-что еще остается предметом для обсуждения, наше генеалогическое дерево оказалось гораздо разветвленное, чем предполагали такие ученые, как Баск или Дарвин: идентифицировано уже более 20 видов гоминин, живших в последние 3,5 млн лет. Корнями оно тоже уходит глубже, чем казалось. На превращение мелких, проворных млекопитающих в гоминин, а затем в неандертальцев ушло невообразимо много времени. Огромные леса в течение 25 млн лет кишели обезьянами, из которых уже выделилась линия, ведущая к человекообразным. Первые представители этих бесхвостых приматов из рода *Proconsul* спустились с деревьев на землю в восточной Африке. Затем, когда

образовалась Большая рифтовая долина и началось глобальное похолодание, человекообразные прибегли к масштабной диверсификации и рассредоточению. Ловкие пальцы дриопитеков и других приматов – в период 15–10 млн лет назад число видов выросло не менее чем до 100 – с одинаковым проворством отыскивали пищу во влажных лесах и открывали новые земли.

С этого момента появляются все более подробные антропологические и генетические данные, свидетельствующие о том, когда и в каком месте наши собратья – высшие приматы – выбрали собственный путь развития. Орангутаны в Азии делили джунгли с огромными гигантопитеками, ревом и битьем кулаками в грудь сотрясавшими туманные окрестности на заре²⁴. В Африке же примерно 10 млн лет назад выделились гориллы, затем шимпанзе и приблизительно тогда же – первые существа, передвигающиеся на двух ногах. Не все они были гомининами, то есть непосредственными родственниками неандертальцев и нас, сапиенсов, но важный рубеж был пройден.

В редких костях гоминин, живших 7–3 млн лет назад, мы наблюдаем черты так называемой мозаичной эволюции, в которой зачастую обескураживающим образом сочетаются архаичные и прогрессивные анатомические признаки²⁵. Вот плосколицый кениантроп (а также многие австралопитековые) – настоящий «проточеловек», передвигается строго в вертикальном положении и наращивает объемы головного мозга. А вот около 3,3 млн лет назад некто в Ломекви изготовил простейшие каменные орудия. Вероятно, здесь начинается интенсивный цикл обратной связи между мясом и камнем: соблазн отведать мяса, скорее всего, появлялся и раньше, но, имея острый нож, можно срезать больше плоти и жира с огромной туши.

Пока не ясно, из какой предшествующей группы гоминин возник род *Homo*, однако наш с неандертальцами первый достоверно установленный общий предок выходит на сцену приблизительно 2 млн лет назад. Это *Homo ergaster* («человек работающий»)²⁶, и уже примерно миллион лет назад эти древние люди определенно были самыми настоящими охотниками-собираателями и пользовались гораздо более сложными технологиями, чем предыдущие виды. Они первыми изготовили бифасы – обработанные с обеих сторон каменные орудия²⁷ – и переносили их на местности дальше, чем когда-либо. Значит, их жизнь была более спланированной, а социальные связи – более развитыми.

Тело *Homo ergaster* – это, по сути, уже тело человека. Они были высокого роста, прекрасно бегали, на их ступнях не оставалось и намека на способность цепляться за ветки деревьев, а аккуратные лица, мелкие зубы и конечности правильных пропорций однозначно говорят о том, что они приходятся прямыми предками неандертальцам и нам. Самое поразительное – заметно увеличившийся объем мозга. Это были самые хитрые, разносторонне развитые приматы из всех ходивших ранее по Земле. Они определенно выбрались за пределы африканского континента, хотя окаменелости и простые орудия этого времени в Евразии указывают на прежнее «суперархаическое» население²⁸.

Но откуда именно пришли неандертальцы? Самые древние останки гоминин в Западной Европе найдены в пещере Сима-дель-Элефанте (Атапуэрка, Испания), их возраст составляет около 1,2 млн лет, при этом они намного старше самых древних костей, похожих на неандертальские. Кости из Гран-Долина, более позднего памятника в той же Атапуэрке, датиру-

²⁴ Несмотря на вес около 400 кг, они, скорее всего, были относительно миролюбивыми, как и гориллы, и, возможно, исчезли сравнительно недавно.

²⁵ Типичный пример – *Ardipithecus ramidus*, прямоходящий эфиопский гоминин, строение стопы которого все еще обеспечивало хватательное движение, указывая на способность к древолазанию.

²⁶ Он в течение десятилетий был известен как *Homo erectus* (человек прямоходящий), но это название теперь закреплено за азиатскими представителями семейства *Homo*.

²⁷ Это орудие также часто называют рубилом.

²⁸ Возраст окаменелых останков и каменных изделий, обнаруженных в Евразии, составляет от 1,8 до 1 млн лет, и лишь в Китае недавно обнаружены орудия древнее 2 млн лет.

ются периодом 850 000–800 000 лет. Они вполне могли принадлежать предкам как неандертальцев, так и *Homo sapiens* или как минимум представителям близкой родственной группы. Эти гоминины, получившие название *Homo antecessor* («человек предшествующий»), обитали не только в Иберии, но выживали и в гораздо менее мягких условиях далеко на северо-востоке Европы. Это было доказано в 2013 г., когда в Хэпписберге на восточном побережье Великобритании в результате шквалистых ветров и приливов вскрылись древние глинистые отложения возрастом 900 000 лет. Странные отметины на их поверхности оказались десятками отпечатков ног: это были следы небольшой группы гоминин, двигавшихся вверх по Темзе от широкого устья вдоль исчезнувшего ныне северного русла²⁹. Всего за две недели море стерло с лица земли этот потрясающий археологический памятник, однако фотограмметрия показала, что следы принадлежат как минимум одной взрослой особи и группе детей от подростков до малышей. Последним, судя по всему, с трудом удавалось не упасть на четвереньки в этой вязкой жиже, забивающейся между пальцами. Анализ сохранившейся пылицы показал, что эту болотистую местность окружали холодные хвойные леса.

Следы мягких тканей из такого далекого прошлого встречаются крайне редко, и их недолговечность контрастирует с бесстрастными окаменелостями, по которым исследователям приходится определять происхождение неандертальцев. Генетика говорит о том, что их линия выделяется около 700 000 лет назад, и хотя люди из Гран-Долина жили всего за 100 000 лет до того, они с неандертальцами не слишком похожи друг на друга. Возможно, что в Европе в этот период было несколько разновидностей гоминин, но кости тех, кто жил в следующие несколько сотен тысячелетий, часто чем-то напоминают ископаемые останки их современников из Африки. Это касается и массивной нижней челюсти, обнаруженной в Германии в 1907 г., обладатель которой получил название *Homo heidelbergensis* («человек гейдельбергский»). Долгое время считалось, что он и есть вероятный предшественник неандертальцев, но окончательно прояснили картину последующие работы на третьем объекте в Атапуэрке – в пещере Сима-де-лос-Уэсос. Остается загадкой, каким образом останки минимум 28 гоминин – многие в безупречном состоянии – попали в эту глубокую «яму костей»^{30,31}. Но именно их возраст – от 450 000 до 430 000 лет – и анатомия указывают на то, что они и есть настоящие протонеандертальцы, что в 2016 г. было подтверждено анализом ДНК³².

Почему важно знать уходящую в глубокое прошлое эволюционную историю неандертальцев? До сих пор широко распространено ошибочное мнение, что они напрямую связывают нас с обезьянами, несмотря на миллионы лет, которые разделяют и их, и нас с ближайшими родственниками из числа приматов. С точки зрения чистой антропологии мы «видим», что неандертальцы Сима де лос Уэсос появились на какие-то 200 000–300 000 лет раньше, чем древнейшие *sapiens*-подобные виды в Африке. Временная пропасть между ними заполнена тысячами поколений. Но в более широком эволюционном контексте это один из самых молодых видов гоминин, по-настоящему похожих на нас. Что не менее важно, разобравшись с местом их возникновения, мы видим, что эволюция гоминин – это не шоссе, по которому можно приехать только к нашему виду. Одновременно существовало множество путей, и некоторые оказывались в тупике, в то время как другие – например, неандертальцы – достигли больших успехов в развитии физических и умственных способностей, вполне соответствующих нашим собственным. Они были не одиноки: за последние лет десять или около того мы обнаружили, что в родословной *Homo* есть и другие интересные истории. Один из примеров –

²⁹ Позже, примерно 450 000 лет назад, под воздействием гораздо более мощных ледников все русло Темзы сдвинулось в южном направлении.

³⁰ Sima de los Huesos – «Яма костей» (исп.). – Прим. пер.

³¹ Sima de los Huesos – «Яма костей» (исп.). – Прим. пер.

³² Останки гоминин из пещеры Сима-де-лос-Уэсос остаются старейшими в мире, у которых были взяты образцы для генетического исследования.

«хоббиты» индонезийского острова Флорес, появившиеся 700 000 лет назад и окончившие свое существование примерно 50 000 лет назад. На другой стороне земного шара, в Южной Африканской Республике, в 2013 г. были сделаны еще более неожиданные находки. Скелеты гоминин, получивших название *Homo naledi*, имели очень примитивное анатомическое строение, поэтому сначала предполагалось, что им миллионы лет. Однако было установлено, что они жили на Земле всего около 250 000 лет назад, а значит, были современниками неандертальцев и наших собственных прародителей.

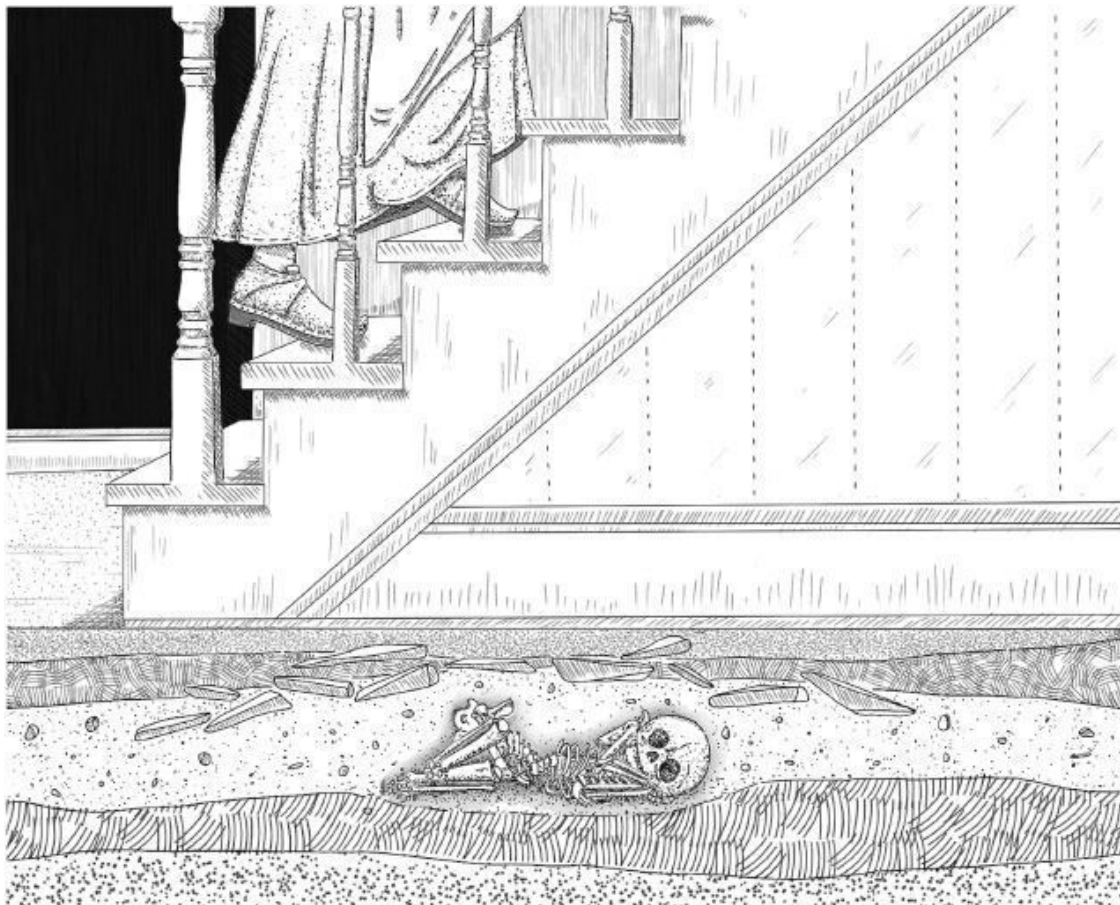
Но, пожалуй, из всех последних открытий в области эволюции человека самым поразительным для понимания неандертальцев является то, что они могли скрещиваться с нами – и делали это. Похоже, у большинства (если не у всего) современного населения Земли в уходящей в глубь веков материнской линии родословной – будто архив тел и крови, пульсирующей в них до наших дней, – присутствуют неандертальцы. Это открытие в корне изменило наши представления о неандертальцах, одним махом сделав из представителей тупиковой, примитивной линии полноценных предков, внесших вклад в то, чем и кем мы являемся сейчас.

На следующем этапе нам следует вновь обратиться к археологическим данным о неандертальцах. Эти революционеры выкорчевали старое династическое дерево, в ветвях которого мы гордо восседали. Оказалось, наша древняя история больше похожа на огромную реку, в воды которой опадают трепещущие на ветру листья. Кого-то увлекает стремительным потоком, другие неспешно плывут по течению. Они разделяются и вновь соединяются, скапливаются в омутах, пока воды не разольются и не объединят вновь глубокие, врезающиеся в сушу каналы.

Глава 3

Тела растущие

Вот солнце по утрам уже выглядывает из-за скал, ветви деревьев слегка позеленели, а ее сородичи засобирались на новое место. Те, покрытые шерстью, что живут рядом, стали более осторожными и не оставляют следов. Крошечное тельце, которое она вытолкнула из себя на свет, оставалось тощим, едва сосало, а вскоре затихло и окоченело, как будто высохло. Она продолжала носить его с собой, и за это время на тонких, как прутики, ножках и ручках кожа сморщилась, натянувшись на лопатках. Остальные собирают свой скarb, готовясь уйти, и ей хочется быть вместе с ними, но страшно выпустить из рук свою ношу. Запах, все еще прячущийся в темных волосиках младенца, одурманивает. Она пристраивается на корточках у входа в грот. Неподвижный сверток опущен на землю, впервые он лежит отдельно от нее. Сородичи с любопытством подходят, тянут руки, трогают, теребят, поглаживают; хотят знать. Скоро сюда придут звери, поэтому сокровище нужно защитить. Она выкапывает ямку, скатывает в нее покрытое пылью тельце, заваливает землей. Перепачкавшись в жидкой грязи пополам с каменной пылью, она медленно отходит назад и отправляется в путь вместе с остальными.

Мелькают дни, проходят годы и века. Слежавшийся грунт крепко держит хрупкие косточки. Какие-то чужаки топчутся поверху, затем звуки шагов исчезают. Даже ледяные щупальца лютотого холода не могут

добраться до крошечного скелета. Еще десятки тысяч зим, и вдруг в глубину проникают глухие отзвуки ударов. Груз земли уже не так велик. Слышны голоса: люди строят дом там, где так давно никто не жил. Стучат грубые бабашки, бегающие туда-сюда по деревянной лестнице прямо над крошечными останками, слышна колыбельная – для живых над мертвым. В одно мгновение исчезает и дом. Земля дрожит, чьи-то руки разгребают ее. Крошатся комья земли, и на белый, тонкий, как яичная скорлупа, череп на миг падает луч летнего солнца. «Arrête! Os!»³³ – кричит кто-то. Грубые и одновременно нежные ладони – подобные тем, что в последний раз касались этого одинокого малыша, – тянутся вниз, чтобы наконец забрать его оттуда.

19 мая 1914 г. Всего через месяц в Сараево автомобиль поедет по незапланированному маршруту, а выстрел из пистолета и смерть двух титулованных персон перевернут жизни 200 млн человек. На другом конце Европы, во французском Перигоре, обнаружена утраченная 40 000 лет назад жизнь. В полевом дневнике о раскопках у скального навеса Ле Мустье Дени Пейрони описывает находку – трогательно крохотные кости. Один из самых уважаемых археологов XX в., он, в отличие от своего более молодого и популярного коллеги Франсуа Борда, сегодня не так известен³⁴. Пейрони родился в крестьянской семье как раз в то десятилетие, когда в новости попали неандертальцы Фельдхофера и Гибралтара, и с детства был близок к земле. Будучи учителем в деревенской школе Лез-Эзи, он проявлял живой интерес к древнему прошлому.

В 1894 г. Пейрони начал работать с Луи Капитаном, патологоанатомом и палеоантропологом. Спустя семь лет в пещере Фон-де-Гом они обнаружили удивительные памятники искусства ледникового периода. К концу весны 1914 г. у Пейрони был богатый опыт раскопок неандертальских памятников, в том числе захоронения под скальным навесом Ла-Феррасси. Когда в мае того года в Ле Мустье были обнаружены человеческие кости, он сразу понял, что они принадлежали младенцу. Погребение чудом уцелело после строительства и сноса здания прямо над ним. Останки ребенка, получившие обозначение Ле Мустье 2, были тогда утрачены и вновь обнаружены лишь спустя 80 лет. Это один из множества неандертальцев, история открытия которых завораживает.

Все кости гоминин – окаменевшие или нет – особенные. Поражает сам факт их наличия, ведь обладатели этих костей жили на Земле десятки или сотни тысячелетий назад. Правда, находят их очень редко. Количество артефактов, изготовленных руками неандертальцев, на миллионы превышает число костей тех самых рук, которые их когда-то касались. Тем не менее в целом мы знакомы с неандертальцами гораздо ближе, чем с любыми другими нашими близкими родственниками. Горстка останков, сто лет назад робко поведавшая удивительные истории о существовании другой разновидности человека, сегодня превратилась в гору из тысяч окаменелостей со множества археологических объектов. Теперь это пара сотен человек, от новорожденных до стариков, которые – по сегодняшним меркам не такие уж дряхлые – в своем обществе скорее всего считались древними старцами. Столь богатая выборка позволяет нам реконструировать биологические особенности и разнообразие неандертальцев.

Даже при таких впечатляющих цифрах каждая часть скелета все равно достойна хранения на бархатной подушке. Их берегут и перевозят в запирающихся на замок кейсах, как бриллианты или святые мощи. Это бесценные сокровищницы данных о жизни отдельных людей и одновременно окна, сквозь которые можно увидеть целые популяции. С помощью самых

³³ Arrête! Os! – Стойте! Кость! (фр.) – Прим. пер.

³⁴ БORD также писал научно-фантастические романы, в его честь названа трамвайная остановка около Университета Бордо, в котором он преподавал несколько десятков лет.

разнообразных методов, начиная с биохимического анализа и заканчивая высокотехнологичными системами визуализации, специалисты исследуют тело полностью или разглядывают ежедневно нарастающие слои дентина на зубах. Кроме того, содержащаяся в останках неандертальцев ДНК напрямую связывает нас с этими исчезнувшими людьми.

Пусть мы уже дважды отделены от этих высохших костей – временем и стеклом музейной витрины, – однако при встрече с ними по нашей вполне еще живой коже обязательно пробегут мурашки. Пожалуй, в первую очередь это касается миниатюрных косточек: внезапно оборвалась жизнь ребенка, и не имеет значения, когда это произошло.

Взросление неандертальца

Само по себе удивительно, что какие-то кости могут сохраниться со столь давних времен, а еще удивительней, если это хрупкие косточки младенца. Это как раз случай Ле Мустье – навеса под скалой, волнорезом вклинивающейся между двух долин. Больше ста лет эти утесы наблюдают за бурлящим у их подножия водоворотом теорий о неандертальцах. Ле Мустье столкнулся с болезнью роста истории первобытного общества как дисциплины, поскольку был найден прежде, чем стало по-настоящему понятно, что раскопки одновременно и обнаруживают, и разрушают археологическую летопись. Какие бы замысловатые методики ни использовались для изучения отдельных артефактов, они не играют большой роли, если памятник опустошен без вычерчивания критически важных схем, описывающих, где и в каком порядке располагались предметы.

Археология выделяет разные части или особенности памятника. На один уровень выше отдельной находки стоит скопление (или комплекс) – не что иное, как наименьшая идентифицируемая группа находок, которые явно имеют друг к другу отношение. Как правило, скопления связаны со слоями – осадочными отложениями, которые археологи различают по цвету, текстуре или их археологическому содержанию. Последовательность слоев называется стратиграфией. В слоях сохраняются все оказавшиеся в данном месте объекты, будь то следы человеческой жизнедеятельности или естественным образом скопившиеся после обвалов осколки горной породы, слежавшаяся грязь или наметенная ветром пыль. Суть раскопок – в удалении слоев, и каждый нижележащий слой старше предыдущего.

Среди часто возникающих сложностей – эрозия, переотложение слоев или даже нарушения более позднего, но все же первобытного времени. Выявление перемешивания или смешения слоев имеет решающее значение и достигается путем тщательного изучения не только артефактов, но и особенностей грунта и пространственных связей между предметами. Перефразируя слова Карла Сагана, чтобы понять, чем занимались неандертальцы в конкретной точке, необходимо воссоздать всю историю объекта³⁵. Это и есть тафономия, признанная сегодня наиболее важной частью археологии.

В период между совместными раскопками Ларте и Кристи и работами Пейрони исследователи не оставляли Ле Мустье в покое. С 1907 г. в Перигоре, в том числе в Ле Мустье, проводил изыскания швейцарский археолог Отто Хаузер³⁶. Каким-то чудом ни его деятельность, ни строительные работы XVIII в. не нанесли вреда крохотным косточкам, покоившимся на глубине всего 25 см от поверхности – толщина волоска по меркам геологии. Мы вернемся к Хаузеру позже; сменивший его Пейрони под снесенным домом обнаружил нетронутый слой. Именно там лежал младенец – призрак под лестницей. Хотя к тому времени Пейрони уже рас-

---

³⁵ В знаменитом высказывании Сагана речь идет об истории вселенной и яблочном пироге.

³⁶ Пейрони и Хаузер вели раскопки в нижнем гроте Ле Мустье; Ларте и Кристи исследовали верхний грот, однако информации об этом сохранилось мало.

копал несколько скелетов неандертальцев, практически никаких подробностей об этой своей находке он не зафиксировал, если не считать констатации факта погребения.

Однако он немедленно отправил останки парижскому анатому Марселю Булю, уже заработавшему авторитет специалисту по неандертальцам. Спустя всего неделю от Буля было получено заключение, что останки действительно принадлежат новорожденному. С этого момента, как ни странно, о скелете нет никаких записей. В дневнике Пейрони о нем больше не упоминается, а через два месяца в связи с началом Первой мировой войны все полевые исследования в Европе были свернуты. В течение многих десятилетий считалось, что скелет младенца пал одной из жертв этого длительного военного конфликта.

На самом деле некоторая часть останков благополучно пережила это время, находясь всего в нескольких километрах от места раскопок. В 1913 г., за год до обнаружения костей, Пейрони основал в Лез-Эзи великолепный музей. Спустя примерно 80 лет во время инвентаризации его богатых коллекций среди коробок из Ле Мустье были найдены кости, помеченные как «скелет». Кости явно принадлежали одному новорожденному, и ученые лелеяли надежду, что это и есть утерянный неандертальский младенец, тот самый, который, по последним известным данным, был отправлен в Париж. Длившееся шесть месяцев всестороннее исследование показало, что состав почвы, все еще покрывавшей некоторые из костей и содержащей мелкие включения камня, идентичен образцам из Ле Мустье.

Значит, частично скелет оставался в Перигоре, и со временем о нем по какой-то причине забыли³⁷. А что же насчет тех фрагментов, которые отправили в Париж? С ними произошла путаница. В 1914 г. Пейрони занимался тремя стоянками неандертальцев, и на всех из них были найдены кости: это Ле Мустье и еще два скальных навеса, Пеш-де-л'Азе I и Ла-Феррасси. Множество находок он отправлял Булю, оставляя часть из них прямо в блоке грунта, который предстояло удалить в лабораторных условиях. Спустя десятилетия была замечена подозрительная разница в цвете и состоянии двух костей, извлеченных предположительно из двойного захоронения младенцев в Ла-Феррасси. Анализ подтвердил, что приставший к костям грунт с мелкими фрагментами кремня относится не к Ла-Феррасси, а к Ле Мустье. Кроме того, у младенца из Ле Мустье отсутствовали именно бедренная и плечевая кости. Скорее всего, суэта первых военных дней в буквально заваленной неподписанными останками неандертальцев лаборатории Буля и стала причиной путаницы и ошибочного отнесения этих костей к младенцу из Ла-Феррасси.

Это странное свидание двух потерянных детских душ, между жизнями которых пролегли многие тысячелетия, продолжается и сегодня, поскольку конечности мустьерского младенца остаются в Париже, за 160 км от остального его тела.

В наше время с костями неандертальцев обращаются как с бесценными реликвиями, так что эта история кажется удивительной. Однако счастливый финал не главное в повторном обнаружении крошечного скелета. Трагическая судьба ископаемых останков младенцев, реальная жизнь которых оказалась гораздо короче посмертного существования, открыла новые возможности. Нам нужна именно такая отправная точка, чтобы понять, протекало ли развитие физических и умственных способностей у неандертальцев так же быстро, как у современных детей. Их хрупкие останки напоминают еще и о том, что жизнь каждого неандертальца была уникальной и могла внезапно прерваться на долгом пути от рождения к старческому артриту.

Давайте познакомимся кое с кем из маленьких неандертальцев, ныне покоящихся в музеях по всему миру. Младенцу из Ле Мустье была бы впору одежда любого новорожденного, однако есть дети и других возрастов. Представьте себе групповое фото: в первом ряду едва научившиеся сидеть семимесячные малыши, рядом – те, кто чуть постарше и уже ползает,

---

³⁷ Даже Пейрони умалчивает о нем в ряде своих публикаций о Ле Мустье. В последний раз он упоминает о скелете в 1937 г., спустя год после того, как он отошел от дел.

плюс непоседливые крохи, уже начавшие ходить, и неуправляемая ватага трехлеток. За ними стоят дети от четырех лет и старше, на лицах которых уже почти не заметны младенческие черты. Они приехали из Испании, Франции, Израиля, Сирии; есть даже восьмилетний уроженец Узбекистана.

Кто из них мальчик, а кто девочка, можно узнать только с помощью анализа ДНК, но возраст вполне определяется по зубам и костям. Именно это позволяет предположить, что неандертальцы росли несколько иными темпами, чем *Homo sapiens*.

Зубы состоят в основном из неорганических веществ, что делает их похожими на древние окаменелости, не подверженные, в отличие от костей, разложению. Подсчитав число перикимат – линий роста, заметных на срезе зуба, – ученые обнаружили, что суточная скорость формирования зуба у неандертальских детей выше. Кроме того, некоторые из них теряли молочные зубы примерно на один – три года раньше. Однако у остальных появление перикимат и развитие зубов шло в темпе, в среднем соответствующем сегодняшнему. Об этом свидетельствует один из наиболее полных экземпляров юных неандертальцев, обнаруженный в 1961 г. в пещере Рок-де-Марсаль, расположенной в нескольких часах ходьбы вдоль реки от Ле Мустье. Скелету было два с половиной – четыре года, но синхротронная микротомография (исследование с помощью суперинтенсивного рентгеновского излучения) показала, что его моляры более развиты, а передние зубы, наоборот, отстают в развитии по сравнению с зубами современных детей соответствующего возраста.

Аналогичное противоречивое впечатление производит и скелет мальчика из пещеры Эль Сидрон на северо-западе Испании. Его коренные зубы были менее развиты, чем можно предположить по перикиматам, а некоторые из костей выглядели так, будто принадлежали ребенку на два или три года младше. Возможно, мальчик сам по себе был низкорослым, но все это говорит о том, что у неандертальцев был свой диапазон вариативности и свои сложности в развитии.

Любопытно, что размер мозга мальчика из пещеры Эль Сидрон также был маловат для его предполагаемого возраста, и понимание этого аспекта взросления представляется особенно важным. Все помнят – наверное, из-за неожиданности этой новости, – что головной мозг у неандертальцев был, скорее всего, больше нашего. Без мумифицированных или замороженных тел мы не можем проверить; однако мозг оставляет отпечаток на внутренней поверхности черепной коробки. Современные высокотехнологичные сканеры позволяют реконструировать мозг с помощью инвертированных трехмерных моделей, полученных при обработке гипсовых слепков: исчезнувшее серое вещество возрождается в призрачной цифровой форме, и даже артерия, в которой некогда пульсировала кровь, змеится вновь. Как оказалось, заметно больший в среднем размер их головного мозга обусловлен полом, которому принадлежат образцы: если мы сравним между собой только мужские образцы, разница будет менее отчетливой, так что, скорее всего, дело в том, что наиболее полные скелеты неандертальцев принадлежали мужчинам³⁸.

Череп новорожденных неандертальцев были примерно того же размера, что и наши, но, если бы вы обхватили ладонями покрытую пушком головку младенца из пещеры Ле Мустье, ее форма показалась бы вам слегка необычной. Изучая снимки этого и других неандертальских черепов, можно увидеть, что средняя часть лица у них уже немного выдается вперед, но милых подбородочков наших малышей еще нет. Сейчас идет много споров по поводу того, как развивался их мозг в решающие первые годы жизни, и, по некоторым оценкам, его размеры в точности совпадают с размерами нашего мозга, хотя в их случае темпы роста были немного выше. Сама структура развивалась не быстрее. Это говорит о том, что дети неандертальцев начинали улыбаться, захватывать предметы и гулить примерно в том же возрасте, что и наши.

---

³⁸ В среднем у мужчин более крупные головы, чем у женщин.

Были и определенные различия, из-за которых психологическое детство у них, скорее всего, заканчивалось раньше и оставалось меньше времени на обучение сложным социальным и техническим навыкам. Но происходящее с головным мозгом компенсировалось развитием всех остальных частей тела.

Кости внутри тел

Поразителен тот факт, что, хотя испытания временем и тафономией выдержали останки менее 0,01 % всех неандертальцев, когда-либо живших на Земле, мы кое-что знаем о двух-трех сотнях индивидов. От большей части из них осталась какая-нибудь одинокая кость или фрагмент челюсти с мужественно удерживающимися в ней зубами, однако 30–40 – это гораздо более полные скелеты, которые изначально оказались в грунте в нерасчлененном состоянии. В главе 13 мы затронем споры, касающиеся погребений, но, какой бы ни была предыстория, каждый скелет – это шанс ближе «познакомиться» с его обладателем. Для исследования популярной важна любая мелочь: характер травм, возраст на момент смерти, а также то, как обращались со своими телами эти мужчины и женщины.

Один из необычайно богатых окаменелостями археологических памятников – скальный навес Крапина в Хорватии. В нем найдено свыше 900 костей от 20 до 80 отдельных индивидов³⁹. Но даже если взять в расчет меньшую из цифр указанного диапазона, то отсутствует примерно три четверти частей скелетов. Безусловно, в какой-то мере это объясняется тем, что в конце XIX в. раскопки велись чересчур быстро, однако незадолго до того была раскопана стоянка возле Спи, и там останки были гораздо более полными. Похоже, что многие кости из Крапины были раздроблены самими неандертальцами и, вероятно, никогда не лежали в земле в виде целых скелетов. Для контраста – почти через сто лет после Крапины, в 1994 г., была открыта пещера Эль Сидрон, на сегодняшний день наиболее изобилующее окаменелостями неандертальцев место в мире⁴⁰. В результате тщательных раскопок было обнаружено более 2500 фрагментов костей, но они принадлежат всего 13 неандертальцам: четырем женщинам, троим мужчинам, троим подросткам, двум детям и одному младенцу. Их тела тоже подверглись разрушению, но, по всей видимости, изначально были более полными.

Эти случаи показывают, что двух одинаковых археологических памятников не бывает. С особой осторожностью следует оценивать характер смертности. Возрастной состав населения, как правило, отражает изменение рисков для здоровья в течение жизни: детей много, взрослых меньше, стариков мало. Но сохранившиеся останки не всегда являются зеркальным отображением древнего населения. Известно, что представителей определенных слоев общества запрещалось хоронить на церковных кладбищах; археологические данные говорят о том, что точно так же не все тела неандертальцев с одинаковой вероятностью могли оставаться в целостности.

Итак, мы располагаем чрезвычайно разнообразными данными, достаточными, чтобы вполне исчерпывающим образом понимать, из чего сделаны – в буквальном и переносном смысле – неандертальцы. Более того, мы можем реконструировать, чем же они от нас отличались и даже как воспринимали этот мир.

Присмотритесь внимательно к неандертальцам, и вы поймете, что они были людьми, хотя и не соответствующими современным стандартам. Их рост был ниже среднего, грудь и талия – шире, они имели немного другие пропорции конечностей. Под массивными бедренными мышцами скрывались более толстые и округлые, чем наши, и слегка изогнутые бедрен-

---

³⁹ Итоговое число зависит от используемого метода подсчета, поскольку кости сильно раздроблены.

⁴⁰ Как и в случае с гротом Фельдхофер, исследователи, впервые обнаружившие кости в Эль Сидрон, решили, что они могут принадлежать солдатам, скрывавшимся в пещере во время Гражданской войны в Испании.

ные кости; тем не менее, несмотря на бессчетное количество ложных реконструкций, неандертальцы совершенно точно были прямоходящими, как и мы.

При большем увеличении вы можете заметить массу специфических анатомических особенностей; некоторые из них вполне очевидны, другие – еле уловимы. Побудьте сами для себя удобной анатомической моделью представителя вида *Homo sapiens*. Потрогайте подбородок: под мягкой толщей кожи и мышцами находится твердая кость. Почти ни у кого из неандертальцев подбородочного выступа не было даже в младенчестве. Ощупайте голову: она вытянута вверх, но все же шаровидная. Лицо небольшое и не выдается вперед относительно лба. Неандертальский мозг, как и наш, был огромен по сравнению с мозгом других гоминин, однако по форме череп во многом отличался от нашего. Скошенная вниз макушка придавала ему более обтекаемый, рельефный вид, а чуть выше шеи был хорошо заметен затылочный бугор⁴¹. Глаза были крупнее и глубже посажены, нос и рот выдвинуты вперед, скулы же, напротив, скошены назад. Сверху лицо обрамляли массивные, изогнутые надбровные дуги, не разделенные по центру, как ваши, и гораздо более выпуклые. Но мозг, управляющий этими пристально глядящими вам в спину глазами, был не менее крупным и разумным, чем ваш собственный.

Отличия не только внешние. Нашупайте место, в котором нижняя челюсть крепится к черепу, и сделайте жевательное движение; это сочленение у неандертальцев имело совершенно иное строение, с неглубоким асимметричным зазором и более выпуклой костью. Проведите языком по тому месту, где находятся (или находились) зубы мудрости; у большинства *Homo sapiens* зубы направлены к челюстной дуге, а у неандертальцев они вытянуты вперед, создавая щель между рядами. Вероятно, в этот зазор они могли просунуть язык и пощупать им слегка скругленные кромки крупных резцов, по форме напоминающих лопату. Строение задних зубов внутри челюсти также было иным. Часто они имели массивные, сросшиеся корни. Даже зачатки зубов у новорожденных обладают достаточно характерной формой, чтобы опознать их при отсутствии других костей.

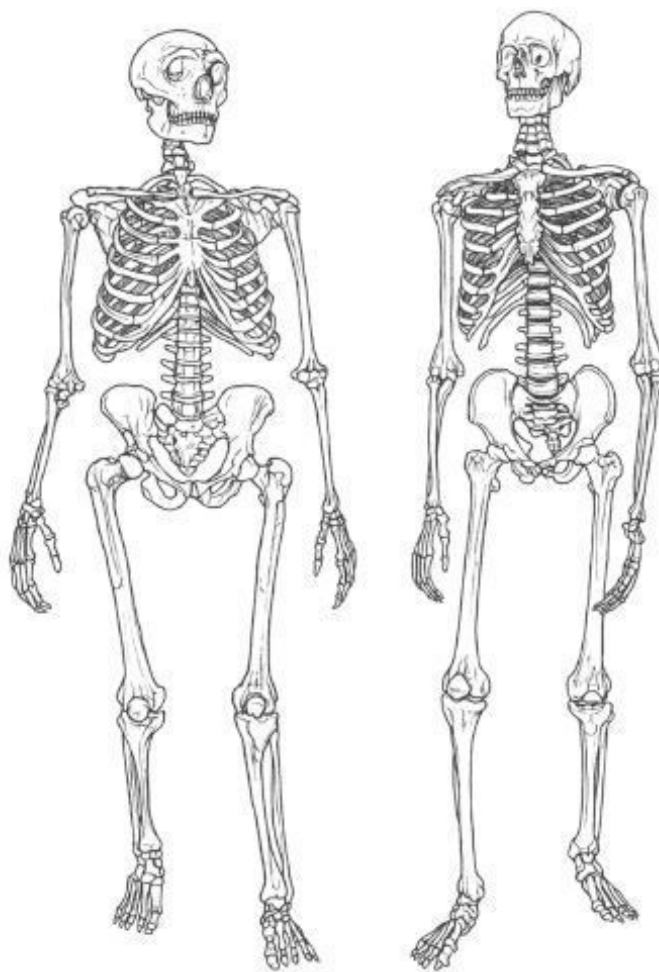
Протяните руку для приветствия, и вы увидите, что первая фаланга вашего большого пальца короче второй, а у неандертальцев – даже у младенцев – эти фаланги практически одинаковые по длине. Ладонь, решительно и крепко пожимающая вам руку, шире вашей, а пальцы расширяются к кончикам.

Тем не менее количество различий между их телами и нашими не говорит о том, что они были более примитивны в широком смысле этого слова⁴². И мы, и они унаследовали некоторые признаки предков, при этом в их роду сохранились черты, которые мы утратили, но верно и обратное утверждение. Дело в том, что неандертальцы и *Homo sapiens* представляют два расходящихся пути человеческого бытия, каждый из которых своеобразен. Характерные для нас узкие грудные клетки, особенности строения внутреннего уха или зубов в более широком контексте эволюции гоминин не менее несуразны, чем особенности телосложения неандертальцев. Тем не менее объяснение того, почему такие различия существуют и как они влияли на их жизнь, все еще остается ключевой целью исследований.

---

⁴¹ Этот бугор называют «шиньоном».

⁴² Термин «примитивный» в контексте эволюции характеризует отличительный признак, уходящий корнями в далекое прошлое и свойственный видам одной предковой группы.

Рис. 2. Скелет типичного неандертальца (слева) и типичного современного *Homo sapiens* (справа).

(Основано на рис. 3 из Caspari, R. et al. 2017. *Brother or Other: The Place of Neanderthals in Human Evolution*. In Marom, A. & Hovers, E. (Eds.)

Human Paleontology and Prehistory: Contributions in Honor of Yoel Rak. Springer.)

Наши пытливые умы стремятся выяснить причины всех явлений, но, по сути, эволюция путем естественного отбора предполагает всего лишь успехи в репродукции, а не какую-то особенную способность к адаптации. Часто говорят о возможных преимуществах биологии неандертальцев, но в реальности из-за воздействия разнообразных факторов все обстоит намного сложнее. Формирование тела – комплексный процесс, при котором изменение в одном месте может вызвать реакцию в любом другом. Генетические мутации – это всего лишь случайные ошибки копирования. Порой они становятся причиной появления анатомических особенностей, которые сохраняются в небольших, изолированных популяциях, если не оказывают отрицательного влияния на выживаемость.

Хотя генетическая схема чрезвычайно важна, образ жизни гоминин также в значительной мере влияет на организм, начиная с костей и заканчивая клеточным уровнем. Воздействие окружающей среды и регулярной деятельности оставляет стойкие следы; можно провести параллель с тем, как мышцы выдающихся спортсменов со временем меняют их скелеты.

Разобраться, на что влияет генетика, а на что – поведение, важно для понимания и анатомии неандертальцев, и образа их жизни. Была ли, например, разница в длине конечностей заложена природой изначально или она обусловлена деятельностью? А может, действуют оба этих фактора? Именно по этой причине так ценны неандертальские дети, включая младенцев,

а также те, кто дожил до трудностей подросткового периода. Биография одного из экземпляров, которому мы обязаны пониманием этого второго периода жизненного развития, заслуживает самого пристального внимания. Речь идет о самом первом скелете, обнаруженном в Ле Мустье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.